

ЕКАТЕРИНА БЕЛЕЦКАЯ

ПРОЕКТ «ИСКАЖЕНИЯ»

Братство
ИДУЩИХ
К ЛУЧЕ

Екатерина Витальевна Белецкая

Братство идущих к Луне

Серия «Искажения», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69193567

SelfPub; 2023

Аннотация

В самый обычный дачный поселок приезжают на лето самые обычные старички. Хотя, позвольте. Обычные? Разве за обычными старичками наблюдают на протяжении всей их жизни более чем необычные люди, забирающие раз в полгода слепки их памяти? Разве поступки обычных старичков способны влиять на мировые процессы? А ещё – часто ли обычные старички называют себя Братством идущих к Луне? Нужно срочно разобраться в механизме происходящего, и каким-то образом остановить процесс, потому что Идущие к Луне – опасны, и осознают это лишь отчасти, а ведь сам факт их существования может угрожать огромному кластеру обитаемой вселенной. Последняя фаза эксперимента с геномом архэ, первоначально – но эксперимент зашел совсем не туда, куда планировал Ри Торк. Искаженные архэ в этот раз – не впавшие в отчаяние дети, и не «слепая» группа, больше всего на свете обожающая вкусную еду. Они могут стать вселенским кошмаром, неконтролируемой силой, у которой есть только одно осознанное желание. Дойти до Луны...

Екатерина Белецкая

Братство идущих к Луне

Превращение

Мертвые ходики снова пойдут.

Тени в углу оживут навсегда.

*Стоит тебе умереть. И во льду
мертвая станет живою вода...*

А. Залищук

Говорят, что если в момент рождения человек начнет свой путь, к окончанию своей жизни он дойдет до Луны. Разумеется, тезис этот спорен, и вызывает большие сомнения, да и проверить его не представляется возможным, однако, если вдуматься, в нём присутствует некое подобие истины, ведь дорога, которой является любая жизнь, ничуть не проще, чем этот гипотетический путь к Луне. Не проще и не легче.

Все совпадения с реально существующими людьми или реальными событиями случайны. Имена персонажей вымышлены. Планета – вымышленна. Ну, почти. То, что не вымышлено, тут тоже присутствует, и в немалом количестве, однако оно настолько ирреально, что запросто сойдет за вымысел. Пускай это и будет вымысел. Почти.

Тросточка и забор

Утро шестого летнего дня ознаменовалось появлением на улице Яблочной дачного поселка «Солнечный» некоей дамы, которой на этой улице находиться явно не полагалось. Яблочная улица была чистая, благообразная – сплошь железные заборы из крашенного или оцинкованного листа, некоторые даже с колючей проволокой поверху; крепкие железные калитки, возле которых хозяйки заботливо высаживали цветы; ровная, аккуратно подсыпанная дорога без единой ямки, и виднеющиеся тут и там из-за заборов крыши, одна другой краше – зеленые, красные, синие. Добротные и новые, они больше всего напоминали крыши домиков на детских площадках, такие же открыто-яркие, омытые вчерашним дождем, и освещенные сегодняшним утренним солнцем. Тут даже торчащие из-за заборов яблоневые и грушевые ветви были какие-то богатые – слишком зеленые, слишком нарядные, слишком правильные. Впрочем, следует признать, что если о деревьях заботиться, они именно так и должны выглядеть. Об этих деревьях заботились. Да и не только о них. Смородиновые кусты и малинники, прятавшиеся за надежными оградами, были ничуть не хуже, газоны аккуратно подстригались, а чистые, выметенные, выложенные разноцветной плиткой дорожки радовали глаз.

От Яблочной улицы за версту несло достатком, поэто-

му пожилая дама, точнее, старушка, которая сейчас кралась, да, именно кралась по краю дороги к одному из заборов, несколько диссонировала с окружающим пространством. Живущие здесь женщины её возраста так не одевались, и так не выглядели, поэтому старушка смотрелась на фоне этого богатого убранства чужеродным элементом. Во-первых, на ней были латаные на коленках дачные джинсы, а местные возрастные леди джинсы не носили, они предпочитали мягкие колюты, либо легенсы, желательны с люрексом, вошедшим в моду в этом году. Во-вторых, рубашка на старушке была мужская, некогда зеленого цвета, но выцвела она почти в белый, особенно на спине, на груди, и в верхней части рукавов. В-третьих, прическа старушки вызвала бы (собственно, обычно и вызывала) у местного бомонда брезгливую гримасу. Тут носили тщательно ухоженные волосы, с завивкой, с красивой покраской, маскирующей возраст, старушка же была седа, не покрашена, и пострижена под машинку, а на голове её сидела тряпичная, тоже сильно изношенная, кепка. Цвет кепки за давностью лет не определялся. Шла старушка небыстро, не торопясь, опираясь на тросточку, самую простецкую и дешевую, такие продаются в любой аптеке. На плече, точнее, через плечо, у нее висела не менее истасканная, чем весь остальной гардероб, маленькая сумка со сломанной молнией. Сумка, впрочем, всё-таки застёгивалась, но не на молнию, а на две пуговики, которые продевались в кое-как обшитые петли.

Неторопливость старушкиной прогулки, впрочем, скоро объяснилась. Она воровато оглянулась, остановилась, открыла сумку, что-то вынула из неё – и выронила предмет из рук. Он подпрыгнул на дороге, и скрылся с глаз. Театрально, совершенно неестественно ахнув, старушка прислонила тросточку к забору, присела на корточки, а потом и вовсе залезла в придорожную канавку, идущую вдоль забора – видимо, в поисках закатившейся туда вещицы. Залезла, но почему-то не вылезла. Из канавы виднелось сейчас её плечо, спина, и кепка, потому что старушка явно что-то стремилась рассмотреть в узкую щель, идущую под забором вдоль улицы. В месте столь удачного падения предмета щель эта немного расширялась, и участок, скрытый от посторонних глаз, становился виден хотя бы чуть-чуть. Чем, собственно, старушка и воспользовалась.

– Ада, ты опять? – с упреком спросил голос. – Вчера, сегодня... ты понимаешь, чем это может кончиться?

– Господи, как же ты меня напугал, – она кое-как села, поправила сползшую кепку. – Яр, я не это... не того... я вот, брелок искала, оторвался от ключей, и закатился, еле вытащила.

– Заканчивай этот цирк. И вылезай оттуда, – приказал он. – Брелок, ну надо же. Снова. Ничего умнее ты придумать не смогла?

– Нет, – со вздохом призналась она. – Но я правда...

– Ври кому угодно, только не мне, – он протянул руку, и Ада, опираясь на неё, вылезла из канавы на дорогу. – Если тебя тут поймают, думаешь, кто-то тебе поверит? В закатившийся в третий раз брелок, причем под один и тот же забор? Слушай, это уже не смешно. Пойдем отсюда. Пойдем, говорю!

Ада засунула брелок в сумку, застегнула её на обе пуговицы, и осуждающе посмотрела на Яра, но тот был невозмутим. Стоял, рассеяно вертя в пальцах какую-то веточку, и укоризненно смотрел на Аду. Невысокий, худощавый, одетый просто и чисто (тоже изношенные, некогда синие, джинсы, и такая же изношенная серая футболка), вроде бы хорошо сохранившийся для своих почти семидесяти – но сохранившийся как-то не совсем правильно, не в каноне, не в классике. Ни тебе седой бороденки (у Яра вообще нет никакой бороденки, и никогда не было), ни сгорбленной спины – однако возраст, и немалый, чувствовался. Вот только выдавали его иные признаки, немного отличные, не совсем такие, как у других мужчин его лет. Артроз, узловатые суставы на прежде тонких, аристократических пальцах. Сеточка морщин у глаз, выраженные мимические «складки скорби» у рта, делавшие его лицо недовольным и грустным, глубокая морщина на переносице, «морщина гордеца», словно Яр постоянно хмурился. Седина, причем почти что полная, и тоже очень короткие, неприлично, по мнению многих, корот-

кие волосы, словно и Яр, и Ада стриглись одной машинкой... Впрочем, вот это как раз было правдой, потому что именно одной машинкой они и стриглись.

– Идём отсюда, – снова приказал Яр. Ада тяжело вздохнула, перехватила поудобнее тросточку, и они вместе пошли по улице к повороту, причем гораздо быстрее, чем шла Ада, когда была одна. Яр то и дело её торопил, и вскоре странноватая парочка скрылась с глаз, оставив улицу совершенно пустой.

Калитка, ведущая на участок Романа, была не заперта, Впрочем, она всегда была не заперта, потому что боязливость Роман презирал, и о боязливых всегда отзывался с некоторой долей брезгливости. Двум смертям не бывать, говорил Роман, я человек, а не осиновый лист, чтобы трястись из-за незакрытой калитки. Яр, Впрочем, небезосновательно полагал, что Роману либо лень покупать новый замок взамен потерянного старого, либо просто жаль тратиться – порой Роман проявлял странную прижимистость, совершенно не вязавшуюся с его обычным образом жизни. На бутылку роскошного рислинга, например, ему денег было почему-то не жаль. Или на коньяк. Или на дорогую кисть, и не менее дорогой холст на подрамнике. А вот на замок – жаль. Это надо еще посмотреть, кто тут на самом деле сумасшедший, говорил иногда Яр, может статься, что и не я вовсе.

Ада и Яр вошли в незакрытую калитку, и двинулись к дому по заваленной прошлогодней листвой разбитой дорожке, ведущей к ветхому крыльцу. Роман, сидевший на террасе с чашкой кофе в одной руке, и планшеткой-листом в другой, при их появлении встал, поставил кофе на стол, положил планшетку рядом, и раздраженно спросил:

– Что, опять?

– Угу, – кивнул Яр.

Вместе они поднялись на крыльцо, однако Ада осталась стоять у распахнутой двери, а Яр прошел вглубь террасы, привычным движением снял с плеч маленький черный рюкзак, и пристроил его на диван.

– Привет Яр, привет, Ян, – Роман кивнул сперва Яру, потом – рюкзаку на диване. – Так, и что она в этот раз сделала?

– Возлежалась под забором в экзотической позе, и заглядывала на участок, – доложил Яр. – Была поймана, и препровождена сюда.

– Эй, я вообще-то здесь, – напомнила о себе Ада. – Какая «она»?

– С идиотками я пока что не разговаривал, и слова им не давал, – отрезал Роман. – Не заметили?

– В этот раз нет, – покачал головой Яр. – Но могли.

– Нам не нужны неприятности, – холодно произнес Роман. – Ада, ты слышишь меня? Нам. Не нужны. Неприятности. Потому что если у нас будут неприятности, мы окажемся сама понимаешь, где. Не порти это последнее лето, пожа-

луйста, своими бреднями. Это имущество, и имущество это не твоё. Ты поняла меня? Не твоё! Ты можешь воображать себе всё, что угодно, но ты должна сознавать, насколько шатко сейчас наше положение...

Ада слушала его, машинально кивая, и украдкой разглядывала – она всю жизнь его нет-нет, да разглядывала, словно силилась для себя понять что-то очень важное, и всё никак не могла этого сделать. Роман был высок, статен, и, даже не смотря на возраст, сохранял во всём своем облике некую монументальность. Крупный, корпулентный, с роскошными, хоть и седыми, волосами, с капитанской ухоженной бородкой, и с некогда синими, а сейчас выцветшими, но всё равно временами яркими, глазами, Роман являл собой образец увядающей мужской красоты. И если и Ада, и Яр относили себя, стареющих, к развалинам коровника, или, в лучшем случае, барака, то старость Романа была руинами замка, не иначе. Величественного, роскошного замка. Он всегда был, и оставался, красив. И в юности, и в зрелости, и в старости.

– Ты меня слушаешь? – раздраженно спросил Роман. Ада машинально кивнула, и тут же попалась. – О чем я говорил?

– Эээ... о том, что так делать нельзя, – наугад ответила она.

– Это тоже. А ещё?

– О, господи. Что это как вещь.

– Дальше, – потребовал Роман.

– Что я старая дура.

– Это отнюдь не новость. Что я ещё говорил, Ада? – требовательно спросил Роман.

– Я... прости, я прослушала.

– Что и требовалось доказать. А говорил я, что ты не понимаешь, что там за люди. Знаешь, да. Но не понимаешь, ослиная твоя башка! Ты соображаешь, что если тебя там заметят, это будет приравнено к попытке кражи, причём у кого! Тебе мало тех глупостей, которые ты в жизни творила, ты и сейчас хочешь всё испортить? Ты понимаешь, что если тебя вот на этом поймают, ты, вместо избавления, поедешь шить рукавицы туда, где ты их уже когда-то шила? Тебе мало? Соскучилась? – Роман треснул рукой по столешнице, чашка подпрыгнула, ложечка жалобно звякнула. – Ещё хочешь?!

– Я всё понимаю. И кто они такие, знаю не хуже тебя, – жалобно ответила Ада. – Но... у него ушки, как у летучей мыши, Ром. Я же... я же не трогаю никого. Ничего не хочу. Я же... посмотреть просто... Они ведь... ты же знаешь...

– Ты ещё заплачь, – Роман отвернулся. – Разведи тут болото, а то комарья что-то мало, видать, сырости не хватает. Ушки. Да, ушки, но это – чужая кошка, чужое, блин, имущество, и никто тебе пялиться на это имущество не разрешал. Включи мозги, Ада, и попробуй ими сообразить, что может последовать за реализацией этого твоего желания.

– Это не кошка, – Ада всхлипнула. – Это котёнок. И там...

– Так, всё, – Роман снова хлопнул ладонью по столу. – Иди

отсюда. Иди, я сказал, нам надо поговорить по делу. Вечером зайди, ясно? И если мы тебя ещё раз поймаем на Яблочной...

Он замолчал, раздраженно сопя, Ада, не говоря ни слова, повернулась, спустилась с крыльца, придерживаясь рукой за шаткие перильца, и побрела, задевая тросточкой разросшиеся кусты смородины, к калитке.

Эти три дома стояли на пересечении улиц Лесной и Вечерней, и образовывали угол, центром которого являлся дом Романа, самый большой, а в боковинах этого угла находились дома Яра – справа, и Ады – слева. Улицы Лесная и Вечерняя в поселке «Солнечном» располагались у самого леса, и считались бросовыми и никчемными. От главных ворот – далеко, от дачного магазина – далеко, зато близко от бывшего старого пожарного пруда, превратившегося нынче в небольшое, заросшее осокой болотце, неиссякаемый источник комарья, и будившего в сезон по ночам обитателей поселка лягушачьего кваканья. Дома на этих улицах стояли сплошь утлые и бедные, доживающие своё, обе улицы давно пришли в упадок, потому что продать такие дачи теперь не представлялось возможным – участки маленькие, плохонькие, лес рядом, а это небезопасно, да еще и болото с комарами. Нет, дачи в «Солнечном» покупали в охотку, но только не на этих выселках, никому не нужных, и почти заброшенных. Народу тут жило мало, почти сплошь старики, та-

кие же утлые и ветхие, как домики, в которых они ютились. С каждым годом стариков становилось всё меньше, и ходил уже слух, что вот перемерут они, и тогда придет сюда одним прекрасным днём бульдозер, срежет к черту эту трухлявую гниль, закопает и закатает болото, а потом засадят получившуюся площадь молодой сосной, вот тогда тут будет вполне себе красота. Получится отличный лесопарк, и для прогулок с детьми, и для спорта; кажется, собираются даже дорожки сделать. Вроде как большое начальство обещало достойным людям отрезать под участки другую часть надела, а эту вернуть в собственность бывшему колхозу, и что сосне тут будет самое место, а вот хибары и халупы никому не сдались.

Ада, войдя в свой домик, стащила с головы кепку, сняла сумку, и положила оба этих предмета на стол, стоящий неподалеку от входа. На столе, кроме кепки и сумки, имелся в изобилии всякий хлам, потому что Ада, переехавшая неделю назад на дачу, в первые два дня воспряла духом, и принялась было за уборку, но потом боевой дух после некоторых событий сошел на нет, а вытащенные из комода вещи в результате остались лежать там, где Ада их положила. Она безучастно глянула на стол, подумала мельком, что надо большую часть барахла просто выкинуть; потом подошла к окну, выходящему в запущенный заросший сад, и открыла его. Сыро в доме, надо посушить, пока солнце, хоть немножко. Понятно, что после первого же дождика сырость вернется, но хотя бы так, пусть так, потому что лучше так, чем совсем

никак. Она открыла еще одно окно на терраске, прошла в комнату, и открыла оба окна там. На первом этаже окна, таким образом, кончились, а идти на второй этаж Аде не хотелось – болело колено, да и бывать на втором этаже она не любила. Потому что этот этаж был «мамин», он всю жизнь был мамин, и, хоть мама покинула этот мир много лет назад, для Ады ничего не изменилось, ощущение запретности этой территории не пропало. Тут, в нижней части лестницы, в сырой комнате, с окнами, в которые рвались не подрезанные кусты жасмина, и каждый год приходилось менять марлю на форточках для спасения от комаров, было её место, Адино. А там, в мансарде, в уютной сухой комнате, с двумя окнами, на запад, и на восток, по сей день незримо словно бы присутствовала мама, и находиться на втором этаже Аде было тяжело, как бы абсурдно это ни звучало. Двадцать два года прошло, а ничего не изменилось. Она ведь пыталась изменить, и часть старых маминих вещей выкинула, и комнату перекрасила, но ощущение присутствия не исчезло, и даже запах не исчез – второй этаж всё так же пах старостью, лекарствами, пылью, и совсем чуть-чуть гвоздичным одеколоном, которым мама когда-то спалась от комаров. Поднимаясь по необходимости по лестнице, Ада каждый раз робела, словно совершала что-то запретное, неправильное, она ловила себя на том, что втягивает по привычке голову в плечи, и что с её губ готовы сорваться слова извинения за то, что тревожит, и мешает отдыхать.

– Ну чего я снова, – с легким раздражением произнесла Ада. Ответом ей стало привычное уже, приевшееся молчание стен пустого домика. – Прав Рома. Я действительно старая дура.

Терраска, она же кухня, была узкая и длинная – в правой её части находилась кухонька, в левой – диванчик, комод, и тот самый стол, который Ада завалила вещами, да так их и не разобрала. Ада включила чайник, вытащила из холодильника батон хлеба, плавленый сырок, и колбасу в нарезке. Подумав, убрала колбасу обратно. Есть не хотелось, но хотя бы один бутерброд съесть придется – потому что сейчас болит проклятое колено, нужно принять таблетку, а если не поест, колено болеть перестанет, зато после таблетки заболит желудок. Оно надо? Нет, не надо.

– Чёртова старая развалюха, – обругала себя Ада. – У которой ещё и заканчивается чёртов кофе!

Да, кофе в банке действительно оставалось на доньшке, а это значит, что сегодня следует сходить в магазин, и закупиться. К тому же сырок тоже был последний, и неплохо бы купить сахар, и хотя бы упаковку макарон. И масло. Нет, это уже не для себя, это если Яр придет, и попросит что-то поесть. Сама она ела мало, совсем мало, предпочитая обходиться «подножным кормом», а именно – бутербродами. Если бы не визиты Яра, плитка на Адиной кухоньке и вовсе стояла бы без дела, но он заходит, и макароны могут пригодиться. Или рис. Нет, макароны лучше. И дешевле.

Ада, уже собравшаяся положить в чашку ложку растворимого кофе, замерла с этой самой ложкой в руке. Не получится сходить. Потому что Роман и Яр стопроцентно решат, что она снова собралась на Яблочную. И уйти одной ей не дадут. Попробуют пойти с ней. При этом у Романа, если она правильно всё сейчас увидела, низкое давление (недаром он кофе наливается, причем чашка вовсе не первая), а у Яра после дождя разгулялся артроз, и ему будет больно идти. Он и так ходил за ней на Яблочную через половину поселка, а до магазина в три раза дольше, поэтому...

– Ладно, обойдёмся, – решила она. – Кофе до завтра хватит. Макароны... надо поискать, может, и есть. Хлеб тоже есть. И колбаска есть. Масла нет, но если с колбаской, и так сойдет. Интересно, что они там делают?

Она налила в чашку кипятку, поставила остывать на подоконник – на столе уже не оставалось места – тихонько вышла из дома, и пошла к забору, отделявшего её участок от участка Романа. Старая дура решила послушать старых дураков, усмехнулась она про себя. Ничего нового услышать будет невозможно, но делать-то всё равно нечего. До вечера уж точно.

– Эта порода называется ориентальная, – объяснял Яр. – Такие забавные ушастые кошки. Узкая мордочка, и здоровенные уши.

– А сколько они стоят? – спросил Роман.

– Чёрт их знает, – Яр вздохнул. – Наверное, недешево. Да на деньги-то всё равно, деньги мы бы нашли, но тут не в деньгах дело, а...

– Вот именно, – отрезал Роман. – Если мы сейчас купим Адке такую кошку, всё пойдет совсем не туда, куда нужно.

– Какую ей кошку? Ну, допустим, купим. Нам под семьдесят. Сколько Адкин старший кот тогда прожил? Восемнадцать? Остаться, и тянуть в этом всё до девяноста ради...

– Ты не понял? Всё гораздо хуже. Адке нужна не «такая кошка», – тяжело вздохнул Роман. – Ей подавай ту самую кошку, которую Виталин сынуля купил своим выхлопам. И нам с тобой, и Адке понятно, что в этом семействе кошка не жилец, потому что перевидали мы уже там за последние восемь лет всех подряд – и собак, и кошек, и попугаев... могут не продолжать, ты сам в курсе. Про цену я просто так спросил, ну и заодно понять, может, выкупить котенка, и передать кому-то...

– Ага, конечно, продадут они, – Яр тяжело вздохнул. – Как не вовремя. Ну, Ада, ну...

– Дура, – закончил за него Роман. – Сентиментальная старая дура. «Как у летучей мышки», – передразнил он. – Очень своевременно.

– Вообще-то жестокое обращение с животными запрещено, я бы мог написать статью, и попробовать... – начал Яр, но Роман тут же его перебил:

– Опомнись! Что ты попробуешь? Ты хочешь сесть на нары вслед за этой чокнутой идиоткой? Яр, если вы туда сунетесь, Ада поедет на женскую зону, шить рукавицы, а ты – на мужскую, и, учти, пенсии там не предусмотрено. Хотя нет, я забыл про твой диагноз. На зону ты не попадешь. А вот в дурдом пожизненно – за милую душу. Ты хочешь этого, скажи?

– Нет, – на пределе слышимости произнес Яр. – Я не могу, ты же знаешь. Они отнимут его, а я... не могу.

«Лет с четырнадцати, а то и раньше, я начала ощущать этот иссушающий огонь. Красивые слова – иссушающий огонь, но я никому их не покажу, потому что Ян с Яром будут подначивать меня, а Роман с Аглаей вежливо кивнут, и пропустят мимо ушей, как они это всегда делают. Я белая ворона в этой стае, но ведь почему-то меня в неё приняли, значит, я совсем не так безнадежна, как говорит мама. С игрой на гитаре ничего не получилось, в школьной студии мне сказали, что у меня не музыкальные руки, да и гитара, оказывается, стоит слишком дорого, а денег у меня нет. Жалко. Я хотела потихоньку научиться, а потом летом всех удивить, что умею играть, но, кажется, ничего у меня не выйдет. К тому же заниматься гитарой мне будет некогда, у меня четыре тройки, по химии, физике, алгебре, и биологии, и мама говорит, что я пропащая и зряшная, и на-

до в десятом классе всё исправить, чтобы был аттестат без троек. Какая уж тут гитара. Попрошу Романа этим летом, чтобы он меня поучил, но ведь гитары нет, и так ли надо учиться, если сюрприза всё равно не получится...»

Берта отложила тетрадь с пожелтевшими страницами на край стола, и повернулась к Ри. Тот сидел, неподвижно глядя на неё, и на лице его не отражалось никаких эмоций. Ри ждал.

– И? – спросил Берта. – Допустим, это дневник. Если я правильно понимаю, он принадлежал пятнадцатилетней девочке. Что ты в данный момент от меня хочешь услышать?

– Во-первых, не принадлежал, а принадлежит, – поправил Ри. – Потому что данной пятнадцатилетней девочке на данный момент около семидесяти, и она...

– Давай угадаю, – предложила Берта. – Она является наблюдателем, так? Роман, надо понимать, твоя инкарнация, Яр и Ян, соответственно, эти двое, – она кивком указала на Ита и Скрипача, оккупировавших подоконник (больше сидеть в пустой комнате было негде), – Аглая была клоном Джессики...

– Давай ты не будешь торопить события, – попросил Ри спокойно. – Да, их всех ты назвала верно. Так и есть. В своё время я отправил их не по заданному системой вектору, и они оказались...

– В этом мире? – спросила Берта.

– Нет, не в этом. Там шла война... – Ри осекся. – Впро-

чем, это частности, которые я объясню позже, если потребуется. После того, как стало ясно, что из-за них в сиуре начались некоторые процессы, я переправил их согласно заданному Адонаем вектору. Сюда. В ту точку, которая была им предназначена с самого начала. Но вот то, что происходило дальше, ни я, ни система Адоная так и не смогли объяснить.

– И что же происходило? – с интересом спросил Скрипач. Ит пока молчал, выжидающе глядя на Ри.

– Да уж не то, что с первыми двумя тройками, – Ри вздохнул. – Никто корабли не взрывал, и по зеркалам не бегал. Не происходило... ничего. И не происходит ничего, но при этом – происходит всё сразу.

– Это как? – впервые с начала разговора Берта, кажется, по-настоящему удивилась.

– Идёт дестабилизация, но уже не сиура, а кластера. Рыжий, только не начинай, я знаю, зачем ты открыл рот. Да, тут кто только не перебивал – одного Контроля я сюда загнал столько, что даже неудобно как-то говорить, сколько именно. Много. Все видят одну и ту же картину. Дестабилизация этого мира и сиура, в котором он находится – есть. Деструкция в кластере – есть. Она опосредовано связана с теми, кто тут находится, но при этом, – Ри сделал паузу, – связи не видит никто. И никто не понял сам метод.

– А что сказали зивы? – с интересом спросил И.

– Вежливо попросили не включать их миры в эту систему, на этом всё. Нет, они тоже ничего не видят, если ты об этом.

Это я выяснил точно.

– Какой ты молодец, – с издевкой сказал Скрипач. – И ты сейчас вызвал нас сюда, чтобы мы разобрались с тем, с чем ни твоя команда, ни Адонай, ни Контроль разобраться не сумели? Гений, ты, конечно, извини, но давай я тебе напомним, чем закончились прежние разборки. Ты забыл? Я подскажу. Ничем. Разве что мы получили легкую головную боль в виде пятерых любителей вкусной еды, но, к счастью, они ребята адекватные, и за эти годы сумели определиться и с работами, и с тем, что им нравится делать. Сейчас так и вообще миссионерские рационы для Санкт-Рены разрабатывают, и весьма в этом преуспели. Ну, тут ты в курсе.

– Отчасти. Ладно, не суть важно. Я бы сказал немного иначе. Зачем я вызвал вас? Может быть, вы и не сумеете понять точно, что к чему. Но вы можете хотя бы уловить суть процесса. Это как... – Ри замялся, подыскивая слова. – Допустим, у меня в руках находится клубок, из которого торчат множество нитей, но только одна из них позволит этот клубок размотать. Остальные – просто какие-то обрезки и обрывки, попавшие в клубок по недоразумению. Я дергаю за них, вытаскиваю по одной, а сам клубок при этом остается без изменений. Понимаете?

– И ты нас прочишь в искатели нужной нитки? – Ит нахмурился. – Каким образом мы сумеем это сделать, если этого не сумел сделать ты?

– Я не знаю, – Ри опустил голову. – Но эту задачу нужно

решить обязательно.

– Зачем? – требовательно спросила Берта. – Для чего тебе нужно её решать? Они уже старые, жить им осталось совсем недолго. Они умрут, и проблема решится сама собой – деструктуризация прекратится, кластер вернется в прежнее состояние.

– Ты смеешься? – Ри, кажется, удивился. – Ты учёный, исследователь, и говоришь такие вещи? Неужели тебе самой не интересно, и не хочется понять, что происходит, и каким образом...

– Мне интересно. Но, прости, когда я вижу твои методы, мой интерес разом сходит на нет, и остается только одно чувство. А именно – inferнальный ужас, – ответила Берта. – Я не умаляю значимость задачи, которую ты перед собой поставил, и которую пытаешься решить, эта задача, пусть даже и на словах, благородна и правильна, но вот когда дело доходит до методов, я перестаю видеть задачу, и начинаю видеть нечто совсем иное.

– И что же ты видишь? – Ри прищурился.

– А то ты сам не знаешь, – отозвалась Берта. – Тебе напомнить, где мы провели последние десять лет? На войне. В госпиталях на переднем крае, потому что в этой вселенной отнюдь не все признали твое величие и твой способ действовать, и по сей день пытаются сопротивляться. А ты продолжаешь огнем и мечом насаждать это своё великое и прекрасное, насильно впихивая его тем, кто в нем не нуждается.

– И жаль нам в результате всех, – добавил Ит. – И тех, кто сражается за свою свободу, и тех, кто поверил в твой обман, и присягнул тебе на верность. Первые не виноваты в том, что ты амбициозен. Вторые не виноваты в том, что их души требуют веры, пусть даже и ошибочной. Впрочем, гений, мы уже говорили об этом всём, и повторять я не вижу смысла. Это демагогия, потому что ты – не изменишься. Никогда не признаешь свою неправоту, и поэтому люди не перестанут умирать.

– За шестьдесят с лишним лет вы мою неправоту доказать не сумели, – ответил Ри. – Старались. Но не сумели. У вас, при всем моем уважении к твоим заслугам на научном поприще, Берта, кроме эмоций нет пока что ничего, или почти ничего. У меня – существенный базис, рабочие схемы, и огромное количество сторонников, число которых растет с каждым днём. Сейчас, в данный момент, я хочу разобраться с этим процессом, чтобы потом, впоследствии, использовать эти знания для того, чтобы исправить то, что требуется исправить...

– Опять, – вздохнула Берта. – Ты ничего таким образом не исправишь, как ты не поймешь? Эти оставшиеся – бесперспективны, старые, и ты ни при каких условиях не сумеешь их использовать, потому что они ни на что не способны!

– Кто тебе сказал, что я собираюсь использовать именно их? Мне нужно разобраться в самом механизме искажений, и поймать этого неуловимого дьявола, который таким обра-

зом взаимодействует с носителями генома архэ. Если я пойму на их примере механизм, задача будет решена, и следующий геном я сумею откорректировать так, как потребуется.

– Сетевые инженеры тебе никого больше не отдадут, – заметил Скрипач.

– Я приду и возьму, – пожал плечами Ри. – Или найду другой способ. Не сомневайся. Но я всё равно сделаю то, что делаю, с вашей помощью, или без неё.

– Угу. Именно поэтому ты сорвал нас с работы, приволок сюда, и просишь посодействовать, – заметил Ит. – Если без нашей помощи, то для чего мы здесь тогда? Давай мы закончим, в таком случае, этот разговор, сядем на «Сансет», и отправимся обратно в части, в которых работали. Там от нас уж точно будет больше пользы.

– В Санкт-Рене и без вас полно госпитальеров, – отмахнулся Ри. – Пару месяцев обойдутся, от них не убудет. Отсутствие вас шестерых, поверь, никто и не заметит. Где эти трое и кот, кстати?

– Как всегда в мирах Сонма. Поехали на могилу к маме Эри, – ответила Берта. – А потом на Ленинские горы. Они это везде делают, ты же знаешь. Вечером вернутся, мы всё расскажем. Хорошо, допустим, ты нас уговорил. Что с жильем, в таком случае, и какой срок? И, главное, что с данными? Что именно у тебя есть?

– Так, – Ри перешел на деловой тон. – Жильё. Эта квартира, думаю, подойдет, тут три комнаты, кухня, мебель при-

везем завтра, какую захотите. Срок – минимальный. Месяц, два, не больше. Там... весьма специфическая ситуация, поэтому времени немного. Данные. Смотри. Вот эта тетрадь – часть дневниковых записей Ады, точнее – Аделии Шефер...

– Она немка? – уточнила Берта.

– Немцем был отец, – кивнул Ри. – Этническим, ничего немецкого, кроме фамилии, у него не имелось. Мать русская. Значит, эти записи принадлежат Аделии Шефер, Аде, так же есть дневниковые записи Яра Огарёва, но их на порядок меньше, и есть совсем немного заметок Романа Судьбина, но они в большей степени имеют отношение к его работам на выставках, а не к сути происходящего. Далее. Есть полугодовые слепки считок, которые снимались у всех с четырнадцатилетнего возраста...

– Что? – удивилась Берта. – Каким образом ты это...

– У них стоят аналоги знакомых вам детекторов, которые использует тот же Окист. Ничего криминального, никакого воздействия, просто запись информации, и всё, – Ри вздохнул. – Они ни на что не влияли. Раз в полгода считки забирал агент.

– Нет слов, – покачала головой Берта.

– А что тебя смущает? – прищурился Ри.

– Даже говорить не буду. Хорошо, есть считки. Что ещё?

– Есть они сами, при желании, вы можете подъехать на точку, и на них посмотреть, – закончил Ри. – Зрелище, конечно, удручающее. Я был там последний раз четыре года

назад, больше не поеду. Не хочу.

– Не по себе, да? – спросил Скрипач с интересом. – Ладно, мы скатаемся, так и быть. Ещё что-то?

– Это всё. Думаю, вполне достаточно, – Ри встал, давая понять, что разговор окончен. – Определяйтесь с мебелью, скиньте заказ, и...

– Погоди, а сегодня на чём спать? – резонно спросил Скрипач. – Давай сегодня хотя бы кровати добудь, мы-то ладно, но девчонкам на полу ложиться – идея как-то не очень. И привези пару-тройку столов, потому что бумаг, думаю, будет много.

– Свет, – тут же добавила Берта. – Нормальные настольные лампы. Техника у нас своя, с этим проблем не будет. Питание для гель-блоков только если. Считки в гель-блоках?

– Да, автономные, – покивал Ри. – Архив хороший, всё маркировано, есть превью с подробным описанием.

– Это здорово, – покивал Ит. – Упрощает дело. Собственно, всё, наверное.

– Если всё, тогда – до завтра. Кровати через пару часов привезут, – кивнул Ри. – Я договорюсь.

– У тебя тут свои каналы и связи? – усмехнулась Берта.

– Нет. У вас на первом этаже дома – мебельный магазин. Думаю, пару образцов, да еще и с наценкой, они запросто продадут.

– Мы тогда с тобой ходим, – тут же заявила Берта. – А то купишь какую-нибудь барскую роскошь, а нам такого не

надо. Идём, идём, не будем время терять.

– Хозяйственная, – с гордостью сказал Скрипач. – Обожаю и горжусь.

– Ой, ну тебя, – махнула рукой Берта. – Чем гордишься? Идёмте, быстрее сделаем, быстрее же перестанем думать про то, что к нашей работе не относится.

2

Призраки

Разумеется, она не удержалась. То есть она честно терпела до самого обеда, до второго бутерброда за день, и даже немного почитала какую-то книгу, которую нашла в шкафу, стоявшем в комнате, но сидеть на участке сегодня было выше всяких сил, поэтому после обеда Ада засобиралась. Снова нацепила свою неизменную кепочку, надела сумку, проверила ключи, сигареты, тубус с валидолом, и пошла к Роману. Невыносимо было ей почему-то в этот день одиночество, и ватная эта тишина, хотелось услышать человеческий голос, и пусть даже называет дурой, или кем ещё, но ведь называет же, порой и этого довольно. Она заперла дверь, подергала для верности ручку, и отправилась. Благо, что идти было совсем недалеко, даже тросточку брать не нужно. Выйти из своей калитки, пройти до поворота вдоль забора, повернуть направо, пройти еще метров десять – и вот она, вечно открытая калитка Романова участка.

Разумеется, Роман был дома – в такую солнечную погоду он никуда не ходил, потому что при хорошем свете ему было удобнее всего работать. Собственно, сейчас он как раз работал: на мольберте стоял грунтованный картон, и на картоне этом виднелся набросок пейзажа. Море, прибрежные скалы, тревожно-красный закат. Пока что набросок, но за несколько часов (Ада это знала точно) набросок превратится в полноценную картину. Писал Роман в этот раз акрилом, на скорую руку, акрил он не жаловал, терпел его – говорил, что цветопередача отвратительная, но быстрые заказы – это исключительно акрил, не маслом же их писать, маслу нужно сохнуть, это время, а на даче ещё и сыро... Сейчас Роман, распахнув все окна на террасе, уверенными движениями кисти прописывал скальную группу в левой части картона, и – Ада этот тут же заметила – работал он сидя. Значит, кружится голова, поняла она. Давление низкое. Не помог кофе.

– Чего вяжешь? – спросила Ада, поднимаясь на крыльцо.

– Очередную жопись, – с неприязнью произнес Роман в ответ. – Сама не видишь, что ли?

– А, по-моему, милый пейзажик, – решила польститься к нему Ада.

– Ага. Именно. Милый... мать его, пейзажик, – Роман пренебрежительно хмыкнул. – В помойке ему место, этому милому пейзажику. Ты чего пришла?

– Ты обедал? – спросила она.

– Нет, конечно. Некогда. Завтра приедут забирать эту маз-

ню, – Роман повернулся к ней. – Слушай, сварь гречки, что ли. Правда, есть охота. И башка после этого вчерашнего дождя ни к чёрту.

– Сейчас сварю. Тебе как, с молоком?

– Давай с молоком, – согласился Роман, не отрываясь от картины.

Ада сняла сумочку, кепку, и пошла на кухню – к слову сказать, кухня в доме Романа была неплоха, весьма неплоха. Собственно, он и жил на этой самой кухне, весь же остальной дом, немалых размеров, пребывал в запустении, ветшая ещё стремительнее, чем его хозяин.

– И почём нынче жопись? – поинтересовалась Ада, вытаскивая из одного шкафчика пакет с гречкой, а из другого – маленькую кастрюльку.

– Четыре тысячи, – ответил Роман. – Негусто, но на неделю хватит.

– Да вроде неплохо, – Ада отмерила нужное количество воды, и поставила кастрюльку на плитку. – А куда Яр подевался?

– Куда он мог подеваться? Ноги болят, спина болит, сказал, лежать пошёл, – ответил Роман. С первой группой скал было покончено, непрописанным остался лишь фрагмент, где скалы стыковались с морской гладью. – Сейчас добыю это дело, и тоже прилягу. Надо отдохнуть. Мы же хотели вечером выйти.

– Да, хотели, – ответила Ада. – На холм?

– Ну, куда ещё-то, – Роман вздохнул. – Больше и некуда.

– К Аглае будем заходить?

– Будем, – покивал Роман. – Ты, это, вот чего. Ты вроде бодряком сегодня, да? Дойди до поля ближе к вечеру, нарежь цветов, и...

– Хорошо, сделаю, – кивнула Ада.

– ...и отнеси этому вруну корвалол, – закончил Роман. – Сдается мне, у него болят не только спина и ноги.

– Думаешь, опять сердце?

– А что ещё? Ты ему утром хорошо так потрепала нервы, и что у него после этого может болеть? Спина? Биба и Боба, истеричка и врун. За что мне это? Ну вот за что? Почему нельзя жить спокойно, и не устраивать десятилетиями это вот всё? – безнадежно спросил Роман. Спросить-то спросил, но при этом он не забывал водить кисточкой по картону. – И ты, и этот проклятый... ярмо...

Ада ничего не ответила, она продолжала мешать кашу в кастрюльке, хотя, конечно, никакой необходимости в этом не было, гречка прекрасно бы сварилась и так. Следующие двадцать минут они молчали – Роман работал, Ада закрыла сварившуюся гречку двумя полотенцами, чтобы каша настоялась, и вскипятила в ковшике молоко с сахаром и сливочным маслом, чтобы залить им гречку в тарелке, как любил Роман. Самой ей гречка с сахаром и молоком казалась едой странной, такое она никогда не ела, поэтому Роман даже не стал ей предлагать сесть с ним за стол и пообедать, знал, что

откажется. Когда каша оказалась в тарелке, Ада снова наде- ла кепку, прошла в ванную, вытащила из Романовых запа- сов непечатый пузырек корвалола, и положила его в свою сумочку.

– Зайди потом ко мне, скажи, как он там, – приказал Ро- ман. – Натворила ты дел, конечно.

– Ты думаешь, это он из-за меня? – огорченно спросила Ада.

– А из-за кого? – Роман зачерпнул ложкой каши, понюхал, одобрительно кивнул. – Он ради своего удовольствия, по- твоему, бегал всё утро по поселку? Или он тебя искал? В том, что ему сейчас нехорошо, виновата ты, и только ты. И никаких оправданий тебе нет. Иди, сказал, не тяни время. Потом зайдешь.

– Да поняла уже, – Ада тяжело вздохнула. – Ладно, я недолго.

Участок Яра пребывал в еще большем запустении, чем её собственный, и Ада, проходя мимо зарослей крапивы, подумала, что неплохо было бы хотя бы эту крапиву скосить, уж очень мимо неё ходить неудобно, но мысль эта исчезла так же быстро, как и появилась. Не будет Яр ничего косить. Ему всё равно. Да и крапива эта тут каждый год вырастает, и, может быть, Яру она нравится – кто его разберет, Яра, что ему нравится, что можно трогать, что нельзя, да и связываться

не хочется. Потому что Яр, конечно, очень хороший, но есть у него в арсенале одно слово, которым он способен поставить в тупик кого угодно. И слово это – всего лишь «нет», но произносит его Яр обычно таким тоном, и при таких обстоятельствах, что лучше бы это слово и не слышать вовсе.

Дверь в дом Яра была открыта, а сам он отыскался на кушетке, в маленькой комнате. Лежал поверх пледа, на застеленной кровати, и читал какой-то журнал, бумажный, истрепанный, и древний. Заметив Аду, он было привстал, но тут же лег обратно, и Ада поняла, что Роман не ошибся про корвалол.

– Сейчас водички принесу, – сказала она. – Ты лежи.

– Я мог бы и сам, – возразил Яр.

– Лежи, сказала, не надо сам.

Ада сходила на кухню, налила в стакан воды на доньшко, и вернулась в комнату. Вместе они отсчитали нужное количество капель, Яр выпил то, что плескалось в стаканчике, и снова лёг.

– Извини меня, – попросила Ада. – Я как-то не подумала, что ты вот так...

– Я так и понял, что ты не подумала. Потому что ты никогда не думаешь, – Яр вздохнул. – Дай мне Яна, пожалуйста. Резко так заболело, не успел его выпустить.

Ада взяла с соседней кровати чёрный городской рюкзачок, который Яр постоянно носил с собой, и протянула ему. Яр расстегнул молнию, раскрыл рюкзак, и вынул отту-

да предмет, который у всех непосвященных вызывал сперва оторопь, потом ужас, потом брезгливость, а потом они начинали смотреть на Яра, как на безумного, хотя могли бы и не смотреть, ведь Яр действительно был безумен, и не скрывал этого.

Чёрная латунная погребальная урна слегка напоминала формой своей античную вазу, и вид имела весьма потрепанный, не смотря на то, что Яр часто её подправлял и подкрашивал. Собственно, немудрено – если носить с собой любой предмет почти полвека, время его вряд ли пощадит, и урна, конечно, тоже не избежала старения, но, к чести её сказать, она оставалась крепкой, и главную функцию свою продолжала выполнять исправно. На одной стороне урны, чуть уплощенной, была приварена табличка с едва различимой надписью «Ян Огарёв, 1955 – 1973 гг.», на другой...

А вот про другую сторону урны, которую сейчас держал в руках Яр, стоит, пожалуй, рассказать отдельно. Потому что на этой стороне находился рисунок, вроде бы совсем простой. Едва различимый силуэт черного ночного леса, на самом деле не совсем черного, конечно, поляна, и над поляной – огромная, наиподробнее прорисованная Луна, со всеми кратерами, горами, и морями. На поляне стоят трое людей, а к Луне приставлена лестница, вроде стремянки, и понятно, что люди стоят рядом с ней не просто так, они собираются по этой лестнице подняться туда, к Луне, оставив и поляну, и ночной лес внизу. При детальном же рассмотрении

на картине становились различимы подробности, причем в большом количестве – лес оказывался вовсе не лесом, а множеством человеческих фигур, профилей, лиц, нарисованных почти чёрным на совсем чёрном, и, надо сказать, добрых среди них не было. А вот поляна, на которой стояли трое, оказывалась соткана из множества штрихов, букв, цифр, имён, и изображений совсем иного толка. Дети, животные, даты, названия – вот что лежало под ногами троих, стоящих у лестницы, и ещё через какое-то время становилось понятно, что поляна словно хочет помочь троим добраться до Луны, а вот лес мешает этому, он препятствие, пусть и неясное, смутное, но при этом вполне осязаемое.

– Нарисуешь котёнка? – спросил Ада.

– Ох... – вздохнул Яр. – Ну, давай. Только завтра. Что там в прогнозе?

– Солнечно, тепло, – Ада погладила пальцем бок урны. – На всю неделю прогноз хороший, дождя не будет.

– Славно, – одобрил Яр. Положил урну на плед рядом с собой, поближе к стенке. – Слушай, у тебя поесть ничего нет? А то я не купил. Не успел.

«Потому что бегал за мной по поселку, – поняла Ада. – Опять я виновата. Что же я так, снова и снова виновата».

– Есть макароны и колбаска, – ответила она. – Масла нет. Сейчас сварю и принесу.

– Лучше здесь сварю, у меня газа много, а у тебя почти не осталось, – предложил Яр.

– Давай, – согласилась Ада. – И чаю попьем, да?

– Попьем, – согласился он. – Вечером на холм?

– Если ты будешь в порядке.

– Я буду, – уверенно ответил он. – Да я и сейчас в порядке, но лучше подстраховаться.

– Это верно. Всё, отдыхайте, я скоро.

Так уж вышло, что Ада действительно была виновата, всегда и во всём. Словно какой-то злой рок преследовал её с самого детства. Почему-то всегда получалось так, что при любой нестыковке, любом несчастье, любой ошибке всегда виновной оказывалась она, и не из-за того, что кто-то огульно обвинял её во всех грехах, нет, она действительно была виновата практически везде, и практически всегда. Она не желала этого, но обстоятельства складывались так, что Ада присутствовала в ненужное время в ненужном месте, и подставлялась под удар. Поначалу, в детстве и юности, это выглядело в какой-то степени нелепо – например, компот, пролитый Адой на проигрыватель, поставила рядом с проигрывателем мама, но пролила его, играя, пятилетняя Ада, за что схлопотала прозвище «дура косорукая», и чувствительный удар веником по филейной части своего юного организма. Или – бабушка заносит в дом вёдра с водой, ставит на пороге, в этот момент из дома выскакивает пулей семилетняя Ада, которая вёдра видеть никак не может... и в результате они

идут на колодец с бабушкой вместе за новой порцией воды, и у Ады снова болит многострадальная попа, к которой приложила руку на этот раз бабушка. Или – мама утром спешно собирается на работу, скидывает в сумку какие-то бумаги и документы со стола (она брала работу на дом), и вместе со студенческими тетрадками в мамин портфель улетает Адина тетрадь с домашкой по математике. Оправдания «забыла дома» заканчиваются двойкой в журнале и в дневнике, оправдания за двойку уже дома заканчиваются шлепком газетой по всё той же попе, и лишь вечером, когда Адина мама разбирает свой портфель, она находит в нём дочкину тетрадь с математикой.

– Сама виновата, – делает заключение мама. – Надо быть внимательнее со своими вещами. Раскидала, где попало, вот и результат.

Виновата, понимает в этот момент Ада. Да, я виновата, я не уследила, не заметила, не спохватилась. Двойку в журнале на следующий день исправляют всё-таки на тройку, но мама злится еще несколько дней, и Ада ходит по дому, втягивая голову в плечи, и боясь разговаривать с мамой – потому что она знает, что снова будет крик, и снова она услышит про «сама виновата», и внутри всё будет болеть сильно-сильно – от маминой беспощадной правоты.

Или – старшеклассница Ада ставит разогреваться утюг, чтобы погладить юбку, ведь завтра она собирается пойти на танцы в школе, завтра восьмое марта, и юбку эту Ада ши-

ла сама, причем на руках, из скользкой и непослушной синтетической ткани. Звонит телефон, Ада говорит несколько минут с мамой, потом бежит к холодильнику, вытаскивает из морозилки рыбу, которую нужно было, оказывается, разморозить, возвращается в комнату, ставит утюг на юбку, и... на юбке тут же образуется отверстие четко по форме утюга, который перегрелся за то время, пока Ада разговаривала и бегала туда-сюда с рыбой.

– Сама виновата, – разводит руками мама. – Гладить надо было через мокрую тряпочку, а утюг поставить на тройку. Ты же, дура косорукая, на пятерку включила, и ткань не подложила. Чего ты реवेशь? Или иди, как есть, или вообще не иди. Хотя кто тебя там ждёт...

Ада идёт, и стоит весь вечер у стенки, в старой юбке, на скорую руку перешитой из бабушкиной, и терпит смешки одноклассниц, которые называют её то бабкой, то клюшкой, и, конечно, никто не приглашает её танцевать, потому что кому охота позориться.

И это всё были мелочи, пока что ещё мелочи, потому что дальше вина Ады стала только вырастать, делаясь с годами всё больше и больше, и не было Аде от этой вины, преследовавшей её, никакого спасения.

Макаронны сварились быстро, Ада нарезала колбаску, положила макароны и колбаску на тарелку, и отнесла Яру в

комнату, а сама отправилась обратно на кухню, заваривать чай.

– Ты ела? – спросил из комнаты Яр.

– Да, дома ещё, – отозвалась Ада. – Ешь, ешь, за меня не переживай.

– Опять бутерброды трескала, что ли? – проницательно спросил Яр. – Не надоело?

– Нормально, – ответила Ада. – Я не хочу больше, наелась. Яр, тебе с сахаром сегодня чай, или ты как Ян?

– Как Ян, давай без сахара, – ответил тот. – И сделай покрепче.

– Куда тебе покрепче, не надо. Сердце же, – запротестовала Ада.

– Не, надо как раз. Сегодня Луна будет почти полная, красиво, – напомнил Яр. – А если не выпью крепкого чая, буду засыпать на ходу. Не хочется.

– Но сейчас-то зачем, днём? – удивилась Ада. – Вечером и выпьешь. Ты лучше поешь, и поспи пару часов. А потом чайку, и можно будет собираться.

– Твоя правда, – согласился Яр. – Скажи мне, если я усну... я смогу спать спокойно, будучи уверенным в том, что ты никуда не пойдешь?

«И как он всегда такое угадывает? – безнадежно подумала Ада. – Ну вот как? Откуда он знает?»

– Не пойду, отдыхай, – вздохнула она. – Сейчас к Роме схожу, и тоже к себе пойду, полежу перед походом.

– Как там его жопись? – поинтересовался Яр.

– Продвигается, – Ада вздохнула. – Но почему каждый раз жопись? Хорошая приятная картина.

– Потому что это поделка, без души, – объясни Яр. – Неужели ты не видишь?

– Что без души – вижу, – согласилась Ада. – Но не всему же быть с душой? Это же просто украшение, ну, в прихожую там, или в комнату. Море и море, закат и закат.

– Вот именно. Море и море, закат и закат, – покивал Яр. – Живопись для прихожей. Ни о чём. Ни смысла, ни посылы, ни движения. Нейтральный пейзаж, как, собственно, и просил заказчик.

– А что надо этому заказчику? Ромка – всё-таки имя, согласись. Ну, будет в комнате у людей висеть пейзаж с подписью «Р.Судьбин, ...23 год». Плохо, что ли?

– Нет, не плохо. Не плохо, но и не хорошо, – Яр невесело усмехнулся. – Хотя на самом деле плохо, конечно.

– Почему? – удивилась Ада.

– Потому что они больше не ищут смысла, как ты не поймешь. Им не нужен смысл. Им нужно... «сделайте мне красиво», – Яр поморщился, отвернулся. – Это движение в никуда. Слова ни о чём. Даже не слова, так, набор символов. В них нет огня, ни в ком нет огня.

– Давай не надо. Вот про это не надо, пожалуйста, – тут же стала просить Ада. – Лучше я тебе чай принесу. Или, хочешь, Яну тоже принесу, в его чашке?

– Принеси, – Яр отдал ей тарелку. Взгляд его потемнел, стал мрачным, рассеянным. – Да, принеси. Посидим с ним, чаю попьём.

– Вот и правильно, – тут же согласилась Ада. – Так будет действительно лучше.

Ушла она минут через пятнадцать – помыла кастрюльку и тарелку, и проследила, чтобы Яр лёг. Нельзя с ним было говорить на эту тему, сокрушалась про себя Ада, я не подумала, снова не подумала, а говорить нельзя, и я едва не сплеховала, но, вроде бы, успела опомниться, и не дала разговору уйти туда, куда не нужно. Когда Яр заснул – а засыпал он по привычке быстро – она встала, тихо взяла с подоконника свою кепку, сумку, и пошла к выходу.

За цветами Ада отправилась вовсе не туда, куда её послал Роман, а на полянку, до которой идти через лес нужно было недолго, всего-то пять минут. Цветы, растущие на этой полянке, нравились Аде больше, чем цветы с поля или с обочины. Они чистые, думала она. Аглая была чистая, очень чистая, и надо приносить ей такие же чистые, как сама она, цветы. И ещё следует взять для них из дома свежей воды, но воду пусть берет сам Роман, ей, Аде, воду тащить тяжело.

Выходили около половины восьмого вечера, было еще светло, легкие, невесомые сумерки подкрадывались к поселку, хотя до захода солнца оставалось целых полтора часа. Хо-

рошо выспавшийся и потому оживший Яр прихватил с собой термос с чаем, Ада взяла цветы, а Роман вышел из дома, неся в одной руке пластиковую канистру с водой, и складную табуретку – в другой. Ему трудно было долго стоять, а стоять сегодня придется не меньше часа.

– Ну чего, инвалидная команда, готовы? – поприветствовал всех Роман. – Ада, молодец, и где только такие хорошие нашла? Яр, отлежался? Ну и славно. Давайте выдвигаться, сперва на погост, а потом на холм.

– Слушаюсь, командир, – кивнул Яр. – Ада, откуда цветы?

– С лужайки, которая за ЛЭП, – ответила та. – Ром, я у дороги рвать не захотела. Пыльные. А там чистенько.

– Ну и правильно, – покивал Роман. – Где банка?

– Так там старая была... – Ада замедлила шаг.

– А если спёрли?

– Ой, погодите тогда, я сейчас, – Ада сунула цветы в руки Яру, и пошла к своему дому.

...Разумеется, банку спёрли – хорошая трехлитровая банка в хозяйстве всегда пригодится – поэтому на могиле Аглаи сперва слегка прибрали, потом водрузили на обычное место новую банку, налили воды, и поставили свежий букет. Яр что-то ворчал о дураках и вандалах, которым охота тут шагать, и банки тащить, а Роман и Ада просто стояли и смотрели на скромный, небольшой совсем памятник из диабаз с портретом-медальном. С этого медальона улыбалась им тихой доверчивой улыбкой Аглая, навсегда оставшаяся в золо-

тых своих двадцати пяти годах, улыбалась светло и безмятежно. Фото на керамическом овальном медальоне за сорок три года совершенно не выцвело и не изменилось, и надпись «Аглая Палей, 1955 – 1980» не изменилась тоже, но вот те, кто смотрел сейчас на этот старый снимок, изменились разительно, и не было у них больше на лицах того, что сохранил фаянс. Прежними остались разве что имена.

– Ангел мой, – прошептал Роман. – Ангел светлый...

– Прости меня, – еще тише добавила Ада. – Если сможешь, прости меня.

Ответом им, как и всегда, была тишина, лишь ветер едва слышно, почти беззвучно прошел в этот момент по молодой июньской траве, и тронул листья на растущей неподалеку огромной березе. Березу эту они тоже помнили молодой, едва ли десятилетней – тогда, когда хоронили Аглаю, березу эту почему-то оккупировало несколько ворон, которые принялись орать, как заполошные, и Роман, не выдержав, принялся кричать на них чуть ли не истерически, и швыряться комьями сырой земли, кучей лежавшей рядом с еще пустой тогда могилой.

– Никогда себе не прощу, – произнесла Ада. – Никогда.

– И не нужно, – ответил ей Роман, не отводя взгляда от портрета. – Потому что такое не прощают.

– Ром, не надо, а? – попросил Яр. – Не начинай сейчас. Только-только сердце угомонилось. Спасибо за корвалол, кстати.

– Да не за что, – Роман глубоко вздохнул, тряхнул головой. – Ладно, идёмте. Пока я совсем не расклеился.

– Пошли, пошли, – поддержал Яр. Поправил лямки рюкзака. – А то нам идти ещё сколько, а Луна – она уже вон, смотрите.

Ада и Роман подняли глаза – да, действительно, в светлом еще небе диск Луны был уже вполне хорошо различим, а это означало, что надо поторапливаться. Кинув прощальный взгляд на памятник, все потянулись к выходу – первым шел Яр, за ним Ада, и замыкал это шествие Роман, который всё-таки пару раз украдкой оглянулся.

– Каждый раз надеюсь обратиться в соляной столп, но, кажется, это так не работает, – заметил он, когда компания выбралась, наконец, на неширокую лесную дорогу. – Думаю, что посмотрю еще раз, и окаменею. Нет, снова нет, и опять нет. Врут всё эти сказки. И религия тоже врёт. Ухожу, прихожу, оборачиваюсь...

– Ром, хватит, – попросила Ада. – Не терзай ты душу и себе, и нам, пожалуйста.

– А ты вообще молчи, – огрызнулся Роман. – С учетом того, что ты сделала, тут у тебя нет, и не может быть права голоса. Всё, идёмте, действительно, время уже.

Ада ничего не ответила, она прошла мимо Романа, и пошла вперед, постепенно ускоряя шаг, а Роман и Яр так же молча последовали за ней. То, что должно было быть сказано – было сказано. На сегодняшний вечер в планах теперь

оставалась только Луна.

– Ты чего, коньяк добавил? – возмутился Роман. – И много? А если у меня давление шибанет? Мне сегодня коньяк нельзя.

– Да немного я добавил, столовую ложку всего на термос, – отмахнулся Яр. – Так что ничего с тобой не будет, тем более что чай был горячий. Я для запаха, а не для пьянки.

– Ох... ладно тогда, – сдался Роман. Взял из протянутой руки Яра стаканчик, осторожно отхлебнул. – Да, нормально вроде.

– Ну и вот, – обрадовался Яр. – А ты говорил.

– Смотрите, – шепотом сказала Ада. – Сейчас...

Луна поднималась над лесом выше и выше, заливая холм, на котором они стояли, дорогу, поля, и лес призрачным холодным светом. Сегодня она была яркая, до невозможности яркая, и такая красивая, что захватывало дух. Трое молча смотрели на шествие Луны по небу, и довольно долго молчали, пока молчание это не нарушил, наконец, Яр.

– Завтра полнолуние, – произнес он. – Ещё раз придём, да?

– Конечно, – кивнула Ада. – Придём.

– После завтрашнего останется ещё две полные Луны, то есть мы, получается, на третью, – задумчиво сказал Роман. – Что ж, это правильно. Но как же всё-таки красиво.

– Нарисуй, – предложила Ада.

– Так Яр уже нарисовал, – Роман вздохнул. – Лучше, чем он, я не сумею.

– Да ладно, – Ада усмехнулась. – А ты всё же попробуй.

– Может, и попробую.

На холме они просидели до одиннадцати, и ушли только тогда, когда стало совсем уже холодно, а Луна поднялась выше, и краски, которые она дарила окружающему миру, начали меркнуть.

«...познакомилась на даче с близнецами, Яном и Яром Огарёвыми. На вид они совсем близнецы, но всем говорят, что погодки, врут, наверное. Они смешные, постоянно дурачатся, и Ян умеет играть на гитаре. Они немножко странные, потому что оба говорят, что помнят войну, но ведь они никак не могут помнить войну, мы с ними в пятьдесят пятом родились, а война тогда уже десять лет как кончилась. А они говорят, что помнят. И самолёты помнят, и обстрелы, и как у них бабушка старая погибла на их глазах, именно что под обстрелом. Это странно. Спросила у мамы, она сказала, что они фантазёры, а я дура, которая им верит, а еще сказала, что такими вещами не шутят, это низко. Но, может, они про какую-то другую войну говорили? Надо будет спросить потихоньку, пусть расскажут. Ян и Яр живут у Куровых, которые рядом с нами, забор в забор,

и мама скоро с братьями познакомилась. Сказала, что вроде хорошие, хотя и дурачки, конечно. Но у мамы все дурачки, разве что Рому она выделяет, но Рома – он какой-то необыкновенный, настолько необыкновенный, что я к нему и подходить боюсь. К тому же Рома с четырнадцати лет гуляет с Аглаей. Аглая – красавица, мама сказала, что она с каждым годом всё больше становится похожа на французскую актрису Мишель Мерсье. Про актрису не знаю, а про Аглаю знаю – они с Ромой идеальная пара, все так говорят. Может, они пожениются? Я бы хотела побывать на свадьбе, ни разу не была, только издали видела. Аглае белое платье было бы очень к лицу...»

– Дневники? – спросил Эри.

– Ага, – кивнула Берта. – Обычные девчачьи дневники. Кое-что странное прослеживается, но это работа гения, который таскал парней туда-сюда. Романа, кстати, не таскал. Только братьев.

– Да? – удивилась Эри. – А нам сказал, что всех.

– Нет, не всех. Свою копию он отправил сразу по адресу, а вот их – куда-то ещё, и лишь в подростковом возрасте переправил уже сюда. Им было по пятнадцать, как я понимаю.

– Ага, значит, ещё до того, как с Фламма и Амритом это всё случилось, – сообразила Эри. – Вот же хитрый гад. И нам не сказал.

– А что ты от него ждала? – удивилась Берта. – Мы сидели там, глядя на весь этот кошмар, а он тут... ай, ладно, ну к

чёрту. Читать что-то будешь?

– Ну, давай, – пожала плечами Эри. – Всё равно делать нечего. Мужики разбежались, а мы тут с тобой, как две узицы, с этими бумагами.

– Они правильно сбежали, смотрят точки по старой теме, и заодно решили прогуляться в этот самый поселок «Солнечный», где живут трое, – Берта утомленно потерла глаза. – Слушай, давай ты тоже считаешь. Мне надоело делать это одной.

– А давай я считаю то, что писал Яр, – предложила Эри. – Мне это как-то ближе будет, ну, наверное.

– Сомневаюсь, – покачала головой Берта. – Тем более... смотри сюда. Вот хронология. В тот период, о котором я читаю сейчас, Яр ничего не писал. Вообще ничего, он не вел дневники. Вести он их начал после кое-каких событий, а до этого есть только записи Ады. Так что придется читать её.

– Ладно, – сдалась Эри. – Но там хоть что-то дельное есть?

– Кое-что есть, – Берта задумалась. – Несмотря на крайнюю наивность, она довольно наблюдательна, и умеет замечать вещи, которые другие упускают. Та же война, например. Возраст братьев. Чужая красота. Вот видишь, здесь? «Похожа на актрису Мишель Мерсье». Заметь, в ней нет ни капли зависти. Другая девочка, видя рядом такую красотку, испытывала бы и зависть, и ревность – а она нет. Наоборот, она искренне восхищается Аглаей, и мечтает увидеть её в свадебном платье. Не себя на её месте. А её саму. Показатель.

– Вообще да, ты права, – покивала Эри. – Действительно. Ладно, сдаюсь, давай сюда дневники. Считки смотреть будем?

– Только не сегодня, – покачала головой Берта. – Считки уже вместе с мужиками, по очереди. Да и не хочу я пока, честно говоря. Настроения нет.

– Догадываюсь, что там, – Эри с горечью посмотрела на Берту. – Я же помню, как я жила. Не думаю, что там буде что-то... лучше.

– Думаю, там будет что-то хуже, судя по тому, что их из пяти осталось трое, – согласно кивнула Берта. – Поэтому только с ребятами, никак иначе. И точно не сейчас.

3

Камешек в ботинке

Продуктовую экспедицию Роман решил организовать, когда Луна пошла на убыль, небо затянули облака, и на холм, смотреть на Луну, они ходить временно перестали. Зато Ада снова зачастила на Яблочную, к заветному забору, и её уже по разу поймали – сперва Роман, а потом снова Яр. И едва не поймала хозяйка участка, дородная, хамоватая баба, жена властителя всея участка, Юрия Витальевича. Хорошо, что Ада вовремя сообразила, что к чему, с какой целью Петровна поплыла своими телесами в сторону калитки, и вовремя смылась – отдышаться, правда, потом не могла минут десять,

но сумела сберечь анонимность, потому что Петровна её не заметила. Скорее всего, Петровна решила, что это мальчишки из соседних домов, а если дети, то детям – можно, им прощается. Ну, дети же.

К подготовке экспедиции на станцию за продуктами Роман подошел основательно – смазал колеса у двух «тачанок», то есть у сумок на колесиках, подшил вечно отрывающуюся лямку у рюкзака, и положил в карман этого самого рюкзака литровую бутылку с водой. Соратники по походу, то есть Яр и Ада, прибыли к концу приготовлений, тоже не с пустыми руками. Ада – с рюкзачком, Яр – с парой авосек.

– Выходим, – скомандовал Роман. – Списки написали?

– Написали, – в унисон откликнулись Ада с Яром.

– Молодцы, – похвалил Роман. – Так, Ада, смотри мне, чтобы без глупостей.

– Ты о чём? – нахмурилась та.

– Просто помни, какая у тебя пенсия. А собаку эту и так уже без тебя кормят все, кому не лень, она уже под калитку пролезть не может.

По дороге, уже в деревне, был один дом, который Ада во время походов в магазин не обходила своим вниманием – там жила толстая, пожилая, и очень доброжелательная собака, которой Ада всегда покупала сосиску или сардельку в подарок, и просовывала под калитку. То есть еще пару лет назад собака из-под калитки прекрасно вылезала, и приветствовала прохожих, а теперь под калиткой собака проходить

перестала – по словам Романа получалось, что либо дырка под калиткой уменьшилась, что сомнительно, либо собака увеличилась, что уже ближе к истине.

– Ладно, – нехотя сдалась Ада. – Разве что совсем чуть-чуть.

– Ой, ну тебя, – безнадежно махнул рукой Роман.

Дорога в магазин была неблизкая. Сперва требовалось пройти через весь «Солнечный», потом – миновать небольшой лесок, пройти через поле, после – миновать половину деревни, до пруда, и вот тут, у пруда, и будет магазин. Да, в самом «Солнечном» магазин тоже имелся, но цены в нём, по общему мнению, были просто конскими, да и выбор продуктов оставлял желать лучшего, поэтому большинство пенсионеров, да и просто людей экономных, ходило в деревню. Пусть дальше, зато магазин большой, выбор неплохой, и скидки действуют. Ну, у кого они есть, эти скидки. Аде и Яру, например, скидки были не положены, а вот у Романа имелась карточка, которую ему выдали давным-давно, как заслуженному художнику, и по карточке этой в определенные дни можно было получить десять, а то и пятнадцать процентов выгоды. Конечно, не в выходные. Конечно, не в праздники. И не вечером. В будние, днём, до двух часов, если точно. Сегодня был вторник, утро, поэтому по Романовой карточке можно было неплохо затариться.

Шли небыстро, не торопясь, подстраиваясь под скорость Романа, который ходил медленнее всех – у него вечно скакало давление, и начинала то и дело кружиться голова. Расплата, говорил он, эта моя чехарда с давлением – расплата за то, что я за эту жизнь сделал, и тут пей таблетки, не пей, всё едино. Таблетки он, правда, пил, только когда про это вспоминал, но помогали они не очень. То ли из-за нерегулярности применения, то ли из-за плохой схемы, кто бы знал. Роман – не знал. И узнавать не стремился. К врачам он если и заглядывал, то с большой неохотой, очень редко. Ада с Яром, впрочем, в плане лечения самих себя были не лучше – Ада врачей откровенно боялась, а Яр столь же откровенно их ненавидел. Люто ненавидел. До дрожи и до одури. При этом он отлично знал, что был, в принципе, не прав, что причиной случившегося еще тогда, в семьдесят третьем году, были не врачи вовсе, но поделаться с собой Яр ничего не мог. Да и не хотел.

Сперва прошли выселки, повернули на улицу Дубовую – тут дома уже стали получше, дорога пошире, а заборы покрепче. Дубовая была длинная, тянулась вдоль всего поселка, по его окраине, можно было бы, конечно, пройти и по Центральной, но Центральную не так давно засыпали крупным гравием, и тащить по ней «тачанки» было делом неблагодарным. А вот Дубовую не подсыпали, и она осталась ровной. Кати и себе и кати «тачанку», одно удовольствие.

Миновали Дубовую, вышли за ворота поселка. Ада по

привычке замедлила немного шаг – ей всегда нравился пейзаж тут, на въезде. Небольшая поляна, поросшая луговыми цветами, каменный мостик через неширокую, заиленную речку, и дорога, выходящая в поле уже большое, в этот раз засеянное кормовым клевером. Поле это поднималось на холм, всё выше и выше, идти предстояло до вершины холма, а потом начинался пологий спуск, ведущий в деревню. Конечно, идти обратно будет непросто, потому что предстоит тащить «тачанки» вверх по склону, но, если особо не торопиться, и останавливаться отдыхать, дойти вполне можно.

– Хорошо, что сегодня пасмурно, – заметил Яр. – По солнцу до деревни идти такое себе удовольствие.

– Это да, – тут же согласно отозвался Роман. – Но ведь ходили же. Помните, в том году? В шапках из газет.

– Ходили, – Ада улыбнулась. – Никак не могу отделаться от ощущения, что там, за этим холмом, море. Ну вот никак. Сколько лет здесь живем, а мне всё время кажется, что мы поднимаемся на этот холм, а там, за ним, будут берег, и камни...

– Глупости это всё, – отмахнулся Роман. – Вечно ты фантазируешь.

– Я не фантазирую, а говорю, что мне кажется, – ответила Ада. – Сама знаю, что там ничего нет. Но ощущение есть. Что там море.

– Ну, море тут, предположим, было, – заметил Яр. – В юрском периоде. И, кажется, в меловом тоже. Здесь было море,

Ада. Море Тетис. И мы сейчас идем по его дну. А над нашим головами плавают призраки ихтиозавров и плезиозавров.

– Здорово, – Ада улыбнулась. – Может быть так быть, что я это море чувствую, а? Нет, ну правда. Вдруг...

– Сомнительно, что ты можешь чувствовать то, что тут было сто сорок миллионов лет назад, – Роман поудобнее перехватил ручку «тачанки». – Как по мне, то это только твои фантазии, которые никакой реальной основы под собой не имеют.

Ада вздохнула, и ничего не ответила.

В магазине было малоллюдно, и они разбрелись кто куда – Ада в бакалею, Роман в колбасный, Яр в хлебобулочный. Списки у всех были небольшие, самый длинный, конечно, у Романа, но даже у него в списке никаких особых изысков не присутствовало. Ада, правда, поймала Романа в овощном, отбирающим в пакет картошку, попыталась было воззвать к его разуму (картошку они не покупали, слишком тяжелая, да еще и везти далеко, брали крупы и макароны), но Роман сделал страшные глаза, и шикнул на неё – Ада тут же отошла, и сделала вид, что ничего не заметила. Яру покупает, поняла Ада, конечно, Яру, тот очень любит жареную картошку, вот Роман и решил друга в этот раз побаловать. Вроде немного взял, значит, как-нибудь дотянем. Ели они на самом деле скромно, и немного, большого значения еде не придавая,

поэтому подобные экспедиции предпринимали нечасто, раз в неделю, а то и в десять дней. Самые простые продукты – рис, макароны, гречка, сухое молоко, сахар, хлеб, растительное масло. Ада, к примеру, давно приспособилась хранить и хлеб, и сырки, и колбаску в морозилке, вынимая понемногу по мере надобности, и продукты у неё не портились. Яр обычно варил себе на один-два раза тех же макарон или риса, иногда, правда, нечасто, открывал какую-нибудь консервную банку, чаще всего скумбрию либо кильки, и банки этой ему хватало на трое суток, как добавки к макаронам. Роман поесть любил, но коронные блюда у него были всё те же – макароны, гречка, рис, крайне желательно с молоком и с сахаром. Яр и Ада сахар почти не ели. Ещё Роман обязательно брал батон сервелата, потому что очень уважал бутерброды под кофе – в те дни, когда давление падало, и ему становилось можно пить кофе, конечно.

На кассе для льготников народу не было, расплатились они быстро, без проблем; знакомая продавщица разрешила сделать скидку на покупки Ады и Яры с помощью Романовой карточки, и вскоре все оказались на улице, обремененные полными рюкзаками и «тачанками».

– Давайте отдохнем, – предложил Роман. – Посидим на лавочке.

Яр и Ада не возражали, тем более что лавочка была сейчас пуста. Сели, помолчали, а потом Ада сказала:

– Мне всё не дает покоя эта мысль, про море. И рыбы.

Наверное, там были гигантские рыбы, верно?

– Ада, ты в школе учила историю, – вздохнул Роман. – Юрский период. Разумеется, тут были рыбы. Огромные. И очень прожорливые, вероятно.

– Морское дно, – Ада говорила, словно про себя, ни к кому не обращаясь. – Водоросли, моллюски, и огромные рыбы. У нас над головами.

– Облака у нас над головами, – вздохнул Яр. – И дождь собирается, кажется. Пойдемте, а то твоя идея, моя дорогая, может вполне себе сработать.

– Какая идея? – не поняла Ада.

– Оказаться под водой, – объяснил Яр. – Рыб, правда, не обещаю, но вот промокнуть можно за милую душу.

– Пошли, – Роман решительно встал. – Дождь, не дождь, а я купил колбасу и коньяк. Колбаса может испортиться. Так что давайте и вправду ускоряться, а то, неровен час...

– Что ты купил? – удивился Яр.

– Коньяк, – невозмутимо ответил Роман. – Ты в тот раз потратился на термос, в следующий раз будет моя очередь.

Уже в «Солнечном» встретили Петровну, которая в компании двоих подружек-прилипал шествовала, по всей видимости, к тому же магазину. Петровна между своими подружками выглядела, как океанский лайнер, по обеим сторонам которого почтительно следуют два буксирных катерка.

– Купил, понимаешь, эту крысу ушастую, – с неприязнью говорила Петровна. – Приволок сюда. Я говорю – зачем? А он – Марина, тебе жалко, пусть дети поиграют. Мне не жалко детям поиграть, мне диван жалко кожаный. И что углы мне тварь засыт. Ладно, летом побегаёт, но в город я эту нечисть не повезу ни за что на свете, так и знай.

– А дорого купил-то? – спросила женщина, исполняющая роль правого буксира.

– Да кто его знает? Не дороже денег. Не сказал. По пьяни купил, небось, и сам не помнит. Ладно, сейчас-то лето, пусть развлекаются. Хотя он детям не особо зашел. Был бы какой симпатичный, может, и играли бы, а этот... говорю же, крыса натуральная, мерзее кота в жизни не видела...

Ада притормозила, но Яр железной рукой взял её за локоть, и потащил за собой. Тащить было неудобно, потому что одной рукой Яру приходилось тащить Аду, а другой – «тачанку», однако Ада вскоре высвободила руку, и произнесла:

– Не надо, я сама. Я сказала, я сама пойду, не трогай меня!..

Роман остановился, прислонил «тачанку» к забору, и подошел к ним.

– Так, – глухо произнес он. – Глаза вытереть, волю в кулак собрать, мозги включить. Мы тут ничего сделать не можем. И не сможем. И нечего трепать нервы. Поняла? Поняла, я спрашиваю?

– П-поняла, – Ада судорожно вздохнула. – Я просто...

просто... не могу... ладно. Ладно, всё. Всё, Ром, я не буду больше.

– Ага, знаю я, как ты не будешь, – проворчал Роман. – Идёмте, время уже обеденное.

Обедать в этот раз решили у Яра – не сказать, что вместе они обедали часто, но иногда, когда появлялось настроение, устраивали небольшие посиделки с чаем. В этот раз именно так и получилось: перекусили наскоро всё теми же макаронами, взяли себе по чашке чая и по прянику из свежих купленных запасов, и пошли на улицу, на лавку, стоящую под стеной с южной стороны. Дождь, который, пока они шли, всё собирался и собирался, в результате так и не собрался, облака посветлели, ветер стих.

– Давай проясним этот вопрос раз и навсегда, – решительно сказал Роман, с удобством усевшись, и поставив чашку рядом с собой на лавку. – А то у тебя, Ада, слишком короткая память, и ты, видать, подзабыла, кто есть кто в этой ситуации.

– Ты про кота? – безнадежно спросила Ада. Роман кивнул. – Да всё я понимаю...

– Нет, – отрезал Роман. – Вот смотри. Кто такой Юрий Витальевич? Он ветеран, с наградами. На пенсии. Он в прошлом военный. В невысоком чине, да, но, тем не менее – он военный пенсионер. Он прошел Очищающую войну.

– Снабженцем, – ехидно добавил Яр. Он тоже сидел на лавке, поставив с собой рядом чашку. – Потому что ты, Рома, забываешь о главном – кто по-настоящему воевал на Очищающей, на ней же и остался. И на пенсии этот мордоворот оказался в тридцать шесть лет. Бездельник хренов...

– А это не меняет дело, – отрезал Роман. – То есть это вообще к нам никаким боком не относится. К нам относится то, что если этот, как ты выразился, мордоворот что-то против нас затеет, правда будет на его стороне. И государство будет на его стороне. И милиция. И суд. Потому что он – ветеран, отец двоих детей, прочно давно женат, обеспечен, лоялен, и благонадежен. А теперь ты, Ада. Посмотри на себя непредвзято, со стороны. Кто ты? Бывшая сиделица, дальше – училка русского и литературы, причем ты даже в Москве не работала, потому что тебе запретили в ней работать, далее – ты много лет была, считай, тунеядкой, а сейчас ты – пенсионерка по старости. С минимальной пенсией. Сидевшая, замечу, пенсионерка. Ни детей, ни замужества, ни общественного положения. Ах, да, я забыл – ты ведь политическая сиделица, добро ты села за воровство или драку, но нет, ты идейная. И ты отлично знаешь, где сейчас твои идеи... и соратники. И вот теперь, на фоне этого всего, предположим, что ты крадешь этого самого кота. И как это увидит суд, скажи мне? Или, что ещё хуже – ты бездетная, значит, ты детоненавистница, пробираешься на участок, на котором находятся двое детей, десяти и двенадцати лет. Может быть,

твоя цель вовсе и не кот? Может быть, ты задумала что похуже? А кот – это просто так, для отмазки? Ты не хуже меня знаешь, какой для этих людей характерен ход мысли.

– Ром, ну не надо...

– Надо! Дальше. Кем был Виталий, отец Юрия? Это ты помнишь? Тебе напомнить уже о моих проблемах, которые, замечу, тянулись не один год – потому что я тогда имел неосторожность... ладно, сейчас не об этом. Но, умная моя, яблоко от яблоньки недалеко падает, и Юрий, уверяю, сумеет развернуть всё так, что твой поступок ударит ещё и по нам с Яром, потому что всем известно, что мы общаемся. Сколько раз мы говорили, что это всё – невыносимо, и это пора прекращать? Именно. Много. А сейчас, если ты продолжишь делать то, что делаешь, нас никто не выпустит из этого всего, и ничего никогда не прекратится...

– Может, оно и после нас не прекратится, на сто процентов ни в чем нельзя быть уверенными, – Яр вздохнул. – Но мы хотя бы попробуем. Ада, правда, ну давай уже дойдем, в конце концов, до Луны. Ну вот так, просто. Почти ведь уже дошли. Ну не можем мы забрать этого котёнка. Вас запрут в тюрьме, а меня в дурдоме. Без Яна. И тут это всё продолжится так же, как сейчас, или станет еще хуже. Ты же сама сто раз говорила про условие, про то, что уходить надо вместе, одновременно, ты это всё лучше нас понимаешь – и сейчас вот так? Из-за кота? Что важнее, Ада, скажи? Весь мир, или этот несчастный кот?

– Я не знаю, – шепотом ответила Ада. – Но так нельзя...
– А как можно, Ада? – глухо спросил Роман. – Как можно?

«...у кого-то читал, и переписал себе то, что успел. Читает нам вслух. Это так смешно, но при этом так точно! Называется «Законы Мерфи», какой-то американский военный, что ли, я не поняла. Рассказала маме то, что запомнила, она смеялась. Сказала, что это умно, и что для нашей жизни это отлично подходит. Мне тоже так показалось. Обычно смешно, ну или не смешно, то, что с жизнью как-то сочетается. В седьмом классе я читала Беляева, книгу «Ариэль», и там было про касты в Индии. Когда прочитала, поняла, что у нас в классе тоже есть касты, просто цветные точки на лоб никто не ставит, и одежда у всех похожая, но касты есть, и они отличаются точно так же, как в Индии. Есть брахманы – это самые богатые ученики, из богатых семей, их все уважают и никто не может обидеть. Лидина, например, или Авдеев. Они держатся все вместе, и с теми, кто ниже, почти не общаются, потому что с другими им и разговаривать не о чем. Ефремова с семьей ездила кататься на горных лыжах. Горные лыжи! Только по телевизору их видела. Это для очень богатых. Дальше – кишатрии. Это в Индии воины, а у нас ребята победнее, чем брахманы, но тоже не бедные, у Андреева мать в продуктовом работает, у Комаровой на рынке. Кишатрии хотят стать

брахманами, но никогда не сумеют. Хотя и пытаются. Потом идут вайши, их больше всего, это почти весь остальной класс. Середка на половинку. Они противные. Заискивают перед кшатри и брахманами, мечтают, чтобы их пригласили в компанию, выдвываются друг перед другом. А самая низкая каста – это шудры. Вот я и есть шудра. Нас таких в классе всего трое. Друг с другом мы не дружим, но мы все бедные, у нас нет хорошей одежды, нет богатых родителей, и нас поэтому презирают. В компании тоже не зовут. Я как-то сказала в классе, что у меня на даче есть компания, и меня засмеяли, и сказали, что я врушка, потому что со мной дружить могут только такие же, как я, потом стали обзывать нищесборской сучкой. Ну и ладно. Жалко, что мы можем дружить только летом, потому что в Москве далеко живём, в разных районах, а мама не разрешает надолго занимать телефон, и я мало говорю и с Аглаей, и с Яном и Яром. Я по ним скучаю. Скорее бы лето...»

Берта отложила дневник, и произнесла в пространство:

– Если хочешь почитать, иди сюда. Не надо так, я же просила.

Пятым, который в это время курил на кухне, затушил сигарету, и вошел в комнату.

– Извини, – виновато сказал он. – Просто было интересно.

– Я понимаю, что интересно, но ты же знаешь, не всегда приятно, когда кто-то залезает тебе в голову.

– Не кто-то, а я, – признал очевидное Пятым. – Бертик, ну

прости. Я больше не буду.

– Знаю я, как ты не будешь, – Берта погрозила ему пальцем, впрочем, не особенно строго. – Куда мои мужики подевались?

– Изучают местность, как я понял, – Пятый тоже сел за стол, придвинул к себе дневник, но открывать его не спешил. – Ты же хотела посмотреть порталы.

– А, ну да, – сообразила Берта. – Чего-то я совсем... зачиталась.

– Для пятнадцатилетней девочки мысли довольно нестандартные, – заметил Пятый. – Тебе так не показалось? Обычно в этом возрасте дети думают о другом.

– Скажу больше. Даже я в пятнадцать лет думала о другом, – призналась Берта. – Нет, не о мальчиках, конечно. И не о компаниях. Я больше думала о том, куда поступать, и училась. А папа выдвигал предложения, куда лучше. Я послушалась, кстати. Зря. Потеряла два года.

– Ты пошла в мед? – Пятый эту историю помнил, но Берта в подробности не вдавалась, поэтому знал Пятый о том, что с ней было в юности, лишь в самых общих чертах.

– В училище, – поправила Берта. – На фельдшера. И бросила, когда осознала, что это не моё абсолютно. Поступила в институт, сперва физика, потом – геодезия. Вот на почве геодезии мы с ребятами и познакомились.

Берта улыбнулась. Пятый ощутил – воспоминания были вроде бы приятными, но при этом настолько сложными, что

его на секунду захлестнула с головой волна её эмоций. Тревога, нетерпение, восторг, страх, радость, печаль, солнечный свет, горе, облегчение, грозовые облака, разочарование, снова страх, трепет, опять восторг, грусть...

– До этого всего я даже не знал, что можно так любить, – беззвучно сказал он.

– Я тоже не знала, – кивнула Берта. – А вот она, кажется, об этом догадывалась уже тогда, – Берта кивнула на дневник. – Но что-то я такое в этом всё́м ощущаю... не могу пока сформулировать.

– Она иначе мыслит, – Пятый задумался. – Ты мыслишь как математик. Эри мыслит символами. А вот Ада создает какие-то кластеры самостоятельно, и начинает этими кластерами, по сути своей это сигнатуры, оперировать. Вот только одна проблема...

– Это её собственные сигнатуры, – согласилась Берта. – Вот этот фрагмент, да? Девочка, понятия не имеющая ни о психологии, ни о социологии, создает для себя практически правильную картину – она ведь пишет о социальной стратификации, о расслоении, но она не знает этих понятий, и оперирует теми, которые показались ей подходящими. Таким образом, мы получаем сигнатуру с неверным исходным кодом.

– Ну да, – Пятый улыбнулся. – Тут вообще, если вдуматься, ошибка практически системная. Потому что в том обществе, которое она описывает, шудра при благоприятных об-

стоятельствах может стать брахманом. А вот в Индии этот номер не пройдет.

– Верно, – согласилась Берта. – А что по общей ситуации скажешь?

Пятый этого вопроса ждал. Точнее сказать, они с Лином этого вопроса ждали уже четвертые сутки, но Берта, против ожиданий, с вопросом не торопилась. Проблема заключалась в том, что сказать им было пока что толком и нечего. Потому что практически всё уже было сказано до них.

– Пока ничего, – Пятый задумался, подбирая слова. – Мы общались и с местными Бардами, и с Сэфес из проникающей области, ты же знаешь. Они видят ровно то же, что и мы – децентрализованный процесс, inferнальный, идущий медленно, и вполне себе исправимый, но...

– Но чтобы что-то исправить, нужно определить причину. И центр, я так понимаю, – продолжила за него Берта. Пятый согласно кивнул. – Но если центр они трое, то...

– Совсем не факт, что они трое, – сказал он. – В том и проблема. Двум сотням Бардов предлагали эту задачу, ни один не сумел доказать, что причина происходящего находится в этом мире, и что эти трое являются хоть чем-то вообще. И в первом, и во втором случае мы наблюдали что? Флуктуации. Обе тройки были заметны, различимы. Сейчас – мы видим совершенно ровный фон. Все значения находятся в пределах допустимого, причем не в пограничных.

– Мы видим сейши, но мы не знаем, кто бросил камень в

воду. Равновесие нарушено, но совершенно непонятно, как именно. Слушай, а если они... если они умрут, – отважилась Берта. – Как ты думаешь, это что-то изменит?

– Если честно, мне совершенно не хочется это проверять, – признался Пятый. – Возможно. Но, опять же, мы должны докопаться до причины. Есть методы, с помощью которых можно воздействовать на Сеть, мы много говорили об этом. И про избирательность, и про взаимодействие на уровне своего Круга, и про Сферу, и про то, каким образом работает Контроль в принципе. То, что мы наблюдаем сейчас, на работу Контроля не очень похоже, но в то же время некие общие моменты есть. Попробую найти аналогию. Мы с тобой сидим в комнате, да? Душно. Что можно сделать?

– Открыто окно, – пожала плечами Берта.

– Согласен. Как это можно сделать? Встать, и открыть самостоятельно. Попросить открыть того, кто находится ближе. Результат – окно не повреждено, открыто, в комнате стало прохладно. А тут – кто-то выворотил окно вместе с рамой и коробкой, и куда-то уволок. Лето прошло, наступила зима, в комнате дубак, а окно вообще непонятно где, и как вернуть его на место, никто не знает.

– Прекрасно, – похвалила Берта. – И это сделали они, те оставшиеся трое.

– Совсем не факт, – снова повторил Пятый. – Тебе Скрипач рассказывал, что было, когда он просто перетащил через Сеть секторальную станцию? Это было воздействие на Сеть,

точнее, попытка работы с Сетью. Какой итог? Сетевое поражение, кровь, кишки, распи...

– Пятый, не надо, я знаю, – твёрдо сказала Берта. – Здесь этого всего нет.

– И следов работы с Сетью тоже нет, – Пятый тут же сбавил обороты. – И вообще ничего нет. Или почти ничего. Они точно не работают с Сетью.

– Будем плясать от этого «почти», – вздохнула Берта.

– Уже тридцать лет плясали до нас, – заметил Пятый. – Если не больше. Вот знаешь, с одной стороны я бы хотел на них посмотреть. С другой – меня это пугает. Или нет, не пугает, это неправильное слово.

– Что именно? – Берта уже догадалась.

– Яр. Яр, и то, что он носит с собой, – Пятый встал, вышел. Вернулся с пачкой сигарет и пепельницей. – Будешь?

– Будешь, – вздохнула Берта. – Я посмотрела считки агентов с ними...

– Когда?

– Вчера. Хорошо, что вы уже спали. Потом до двух сидела на кухне, думала. Многие, кто знает вас, они... они не в состоянии этого понять. Я тоже поняла отнюдь не сразу. Когда мы только познакомились, я была поражена тем, как Скрипач относился в тот период к Иту. Знаешь, как он сам потом про это говорил? «Хрустальная ваза с атомной бомбой внутри». Он методично, месяцами вытаскивал Ита с того света, он был как сжатая пружина, даже нет, не так, у него

в кулаке была в тот момент эта сжатая пружина, и разжимать кулак было нельзя ни на секунду. Потом... я видела ваши считки. И твои, и Лина. То же самое. Вы ведь даже не братья, вы больше, – Берта вздохнула, затянулась. – Я воспринимаю моих... даже не знаю. Я не знаю, один у меня любимый муж, или два. И я не знала, что ко мне будут потом относиться точно так же... ладно, это уже другое, неважно. Знаешь, чего я боюсь сейчас? Увидеть. Увидеть то, чем это могло кончиться. Потому что Яр... он же мертвый наполовину. Равно как и Ада. И Роман, он тоже... да, мы любим поносить Джессику, но её значение в этом всё умалить никак нельзя, ты же понимаешь.

– Ещё бы я этого не понимал, – Пятый затушил сигарету в пепельнице, и тут же вытащил из пачки новую. – Я ведь тоже боюсь это увидеть. И Скрипач с Итом боятся не меньше. Но им придётся. И нам придётся.

– К сожалению да, – отозвалась Берта. – Придётся. Ри, кстати, сказал, что не видел их четыре года. Даже считки не смотрел. Я спросила, почему. Он сказал, что это выше его сил.

– А наших, значит, не выше, – Пятый вздохнул. – Он носит с собой урну, да? С прахом.

– Носит, – кивнула Берта.

– Я бы тоже носил, скорее всего. И Лин бы носил. Вот он бы точно носил, сто процентов. Кстати, Бертик, тебе не попадалась информация о том, что именно произошло, и...

– Ри сказал, что всё есть в дневниках, и в считках, – Берта снова подвинула к себе тетрадь. – Но не в этом периоде, позже. В любом случае, нам надо сперва пройти этот, потому что важно, думаю, всё. Детали упускать нельзя. Это я тебе как исследователь говорю со всей уверенностью.

– Согласен, – Пятый слабо улыбнулся. – Давай почитаем вместе. Через час Эри вернется, и будем читать втроем.

– Славно, славно, – покивала Берта. Это её «славно» было обращено уже не к Пятому, она согласилась сейчас с какой-то своей мыслью, пока что неясной, неоформленной, но уже собирающейся потихоньку превратиться потом в догадку – первую на этом сложном пути. – Да, конечно. Мы так и сделаем.

– Тебе минералки налить, кстати? – спросил Пятый, вставая. Пепельницу и сигареты он решил отнести на кухню, не совсем это была удачная идея, курить в комнате. – И давай окно откроем, а то тут действительно душновато.

– Только окно никуда не выноси, – полушутя, полусерьезно сказала в ответ Берта.

– Не буду, – кивнул Пятый. – Хорошее окно, зачем с ним так. Оно нам ещё пригодится.

– Вот именно, – покивала Берта. – Ладно, давай читать дальше.

Об этих своих походах Яр, разумеется, никому не говорил, хотя подозревал, что остальные догадываются. Не догадаться было невозможно, но догадки и Роман, и Ада держали при себе, и свои мысли на этот счет никак не озвучивали. Собственно, говорить тут было особо и не о чем, равно как и нельзя было ничего изменить, потому что любое возможное изменное находилось уже давно вне времени, и оставалось свершившимся фактом, болезненным, как незаживающая рана, и тяжелым, как могильная плита.

Встал Яр совсем рано, не было еще шести, поспешно выпил кофе, закусив хлебом, и стал собираться – собственно, брать с собой ему было особо и нечего. Неизменная урна, пластиковая бутылка с водой, пузырек с корвалолом, склянка с пятьюдесятью граммами коньяка, пачка сигарет, зажигалка, и пластмассовая кружка. Сложив всё необходимое в рюкзак, и проверив ключи, Яр вышел из дома, запер дверь, и вышел на дорогу, по сторонам которой стояла посветлевшая от еще не высохшей росы молодая трава.

Путь его лежал в этот раз не к главному выходу из «Солнечного», не к воротам, а к неприметной калитке в заборе, за которой лежал тихий утренний лес. Калитка эта не запиралась, закрываться она перестала уже давно, потому что её когда-то перекосило, и она вросла частично в землю, да и столб, на котором она висела, покривился, проржавел, и держался лишь за счет того, что был прикручен проволокой к

вбитой рядом с ним бетонной свае. Проходя мимо калитки, Яр, в который раз, подумал, что все они, наверное, держатся так же, как эта калитка, и если кто-то уберет проволоку, калитка упадет в разнотравье, и через несколько дней уже даже не будет заметна, потому что травы оплетут её, прорастут сквозь бесчисленные прорехи, и вскоре никто уже не сумеет различить, что тут вообще была калитка, а еще через несколько лет она заржавеет полностью, распадется, и вернется обратно, в землю, откуда когда-то вышла. Судьбы вещей и судьбы людей похожи, думалось Яру, разве что люди существуют еще меньше, чем вещи, тем свойственно переживать хозяев, порой на многие годы.

Тропинка, по которой он сейчас шел, находилась в стороне от основной, и успела основательно зарастить – сейчас о том, что она некогда была хожена, напоминала лишь едва различимая выемка, выющаяся среди кочек и березовых стволов. Вскоре, однако, березы закончились, Яр вышел на просеку, по которой тянулись в сторону поселка провода, и стояли столбы, миновал прогалину, и вошел в ельник. Идти оставалось уже недолго, и Яр поневоле замедлил шаг – чем ближе он подходил к Полянке, тем тяжелее ему становилось.

Полянка располагалась в полукилометре от просеки, и представляла собой почти идеальный круг с размытым временем прямоугольником в середине. Прямоугольник этот являлся остатками фундамента, который местные давно растащили, оставив лишь битый кирпич, а на фундаменте этом

некогда стоял домик, принадлежавший в своё время леснику.

Тот самый домик.

Яр, выйдя из-под елей на свободное пространство Полянки, не пошел прямо, а повернул направо, и побрел, путаясь в высокой нехоженной траве, к своему месту. Там, на этом месте, уже несколько лет валялась здоровенная упавшая ель, на которой можно был посидеть – и Яр вскоре увидел ель, и подошел к ней, и сел на свободный от сучьев участок, поставив рюкзак рядом с собой.

– Ну вот, добрались, – произнес он тихо, и погладил рюкзак. – Сейчас, передохну, и выпущу. Потерпи немножко, хорошо?

Сердце колотилось после ходьбы по траве и кочкам, как ненормальное, поэтому Яр вытащил первым делом корвалол, накапал в пластиковую кружку тридцать капель, долил водички, и залпом выпил. Запах ковалолола ему не нравился, но иного выхода сейчас не было. Яр поставил кружку на ствол, сунул пузырек с корвалолом в карман рюкзака. Уже лучше, сердце успокаивалось – пройдет еще несколько минут, и всё будет нормально. Из кармана на свет показались сигареты, Яр воровато оглянулся, и закурил. Курить ему было, конечно, нельзя, поэтому курил он редко – но здесь, сейчас, на Полянке не курить он просто не мог. Во-первых, хотелось хоть чем-то перебить проклятый лекарственный запах, во-вторых, табачный дым пах иначе, не так, как пах дым

того пожара, и пусть лучше будет он, а не то, что поневоле возникает в голове.

– Полсотни лет, Ян, а словно вчера, – шепотом сказал в пустоту Яр. – Как вчера, родной. Ты прости меня, если сможешь, брат. Прости, что тебя послушал. Надо было вместе тогда бежать...

Он расстегнул рюкзак, поставил его в траву, а урну устроил между двумя сосновыми ветками, чтобы не упала.

– Вот тут всё и было, – ещё тише сказал он. – Как они кричали, Ян, как кричали... почему ты не кричал? Ты был самый сильный из всех, и самый лучший. Самый лучший брат на всей земле...

Поднявшееся яркое июньское солнце заглянуло в прогалину между деревьями, осветило в какой-то момент лицо Яра, мазнуло по щеке и по виску – словно погладило невидимой рукой. Яр улыбнулся.

– Ты всегда приходишь, – сказал он. – Я же знаю, что это ты. Прости, что так и не смог с тобой попрощаться. Я малодушный, наверное. Да не наверное, а точно. Но не смог. Хоть так. Пусть так, но всё-таки вместе.

Он погладил тёплый бок урны – шершавая краска, согретый солнцем металл.

– Мы к тебе скоро придём, Ян, – пообещал он. – Правда, клянусь. Честно. Это всё надо прекращать, потому что слишком больно всем, уже не только нам, а именно что всем, и слишком много стало зла. Я не понимаю, как так вышло, что

я в этом тоже виноват, но точно знаю – виноват, и пришло время искупить эту вину. Надеюсь, что наша смерть хоть что-то исправит, – он уже не говорил вслух, и даже не шептал, лишь губы его беззвучно шевелились в такт не произнесенным словам. – Я почти дорисовал уже, Ян. Вот дорисую, и мы придем.

Он снова погладил урну, отпил глоток коньяка прямо из склянки, запил водой, и снова закурил сигарету – потому что в эту секунду ему показалось, что в воздухе возник, словно из ниоткуда, запах дыма, но не табачного, а *того самого*. Того, который он ощутил здесь, на Полянке, полвека назад.

Мелкие залезали в бывшую сторожку лесника часто, не один год подряд – ничего ценного в ней давно уже не оставалось, лишь голые стены, да чудом сохранившиеся стёкла в окнах. В сторожке было два этажа, вход на второй этаж представлял собой шаткую, полусгнившую приставную лесенку, и люк в потолке. Второй этаж сторожки был довольно высок, и для жилья не предназначался – лесник когда-то хранил там инвентарь, и складывал сено для кролей, клетки которых стояли в незапамятные времена за домиком. После того, как старый лесник покинул скорбную земную обитель, и переселился навечно в горни выси, сторожка его стояла несколько лет заколоченной, позже потянулись к ней местные, за полгода растащившие нехитрый лесников скарб, а потом сто-

рожку заметили подростки, сперва деревенские, а потом уже и дачники. Ребята постарше туда не ходили, и внутрь не лазили – справедливо опасаясь, что прогнившие полы их не выдержат, и стропила рухнут, но дети лет от десяти и старше наведывались в сторожку постоянно, не смотря на запреты – глупости неведом страх, а бахвальство превышает разум. И никто, совсем уже никто не знал, да и не мог узнать, кто из детей принес с собой в тот день спички, и кто догадался развести костерок на втором этаже.

Зарево разгорающегося пожара первым заметил Роман, в тот вечер они компанией гуляли по дороге за поселком – тогда здесь еще была объездная дорога, от которой сейчас остались лишь почти неразличимые колеи. Заметил, и крикнул – пожар, там пожар, бежим. И они побежали – трое парней впереди, и постепенно отстающие девчонки, которые угнаться за ребятами при всем желании не могли.

Первым добежал Ян, который всегда бегал быстрее всех, и он не раздумывал – кинулся в дверь, из которой валили клубы дыма, и подбежавшие несколькими секундами позже Роман и Яр увидели лишь его спину, мелькнувшую в дыму. Потом, уже позже, выяснилось, что Ян сумел забраться на второй этаж, вышиб окно, и выкинул в него тех, кого сумел отыскать – двоих десятилетних придурков, и одного двенадцатилетнего. Он слышал голоса, пытался найти остальных,

но в этот момент потолок второго этажа, в одну доску, обрушился, и все, кто был на втором, оказались в огненном аду на первом, среди обломков балок, досок, горящего рубероида, которым была покрыта крыша...

Двое подростков сгорели. Ян остался жив, но обгорел на восемьдесят пять процентов. Он умер через три месяца, в сентябре, в ожоговом отделении одной московской больницы, от сепсиса.

Именно тогда Яр и сошел с ума.

В октябре того же года в дневнике Ады появилась первая запись о Море Травы.

Больше Яр ничего не говорил. Сидел молча, курил, потихоньку, по крошечному глоточку отпивал коньяк из склянки, запивая водой. Иногда он кивал каким-то своим мыслям, и смотрел безучастным взглядом на едва заметно выступающий над землей прямоугольник – остатки фундамента бывшей сторожки. Вон там была дверь, вон туда выходило окно, которое сумел выбить брат, вон там шмякнулись на землю, как кульки, три малолетних идиота... и ведь так и не признались, кто принес спички, кто придумал разжигать огонь... ещё и мамыши ругались на Яна, что, мол, деточек неаккуратно так пошвырял, мог бы по лесенке свести, а так – один

ключицу сломал, другой копчик, да еще и стеклом порезались... родители погибших так и вообще кляли Яна, на чём свет стоит, потому что других спас, а тех не спас, немного умерили они свой обвинительный пыл лишь после известия о смерти Яна, но всё равно несколько лет еще поговаривали всякое, лишь потом, размытые потоком времени, разговоры эти почти сошли на нет. Это было даже немного странно, ведь тогда, в семидесятые, слухи обычно держались долго, и были почти несмываемы, ведь правды вокруг было немного, говорить её было не принято, вот и шли новости, подобные этой, по сарафанному радио, из одних ушей в другие. Так и стал уже после смерти оклеветанный и опороченный Ян едва ли не убийцей невинных детей, которых спалил в пожаре, да и сам спалился, пока детям выйти на свет божий не давал. Нарочно, нарочно, шептали несколько лет голоса за спиной, он сделал это нарочно, не дал из дома выйти, а может, и сам дом поджег. Аглая и Роман, ну и Ада, конечно, пытались эти слухи опровергнуть, но – если уж кто решил таким образом нагреть себе уши, разве остановишь? Да и кто им поверит, малолеткам. Сколько им? Восемнадцать? Может, и вместе жгли, кто их знает, вон какая молодежь нынче пошла, пробы ставить негде...

– Ну, пойдем, – произнес, наконец, Яр, поднимаясь со ствола. От долго сидения затекли ноги, а последняя сигарета, о которой он забыл, дотлела до фильтра и обожгла ему пальцы. – Пойдем, Ян. Домой пойдем. Полежим часок, а то

чего-то я устал.

Он пристроил урну на место, обратно в рюкзак, сунул пустую склянку из-под коньяка в тот же карман, что и пузырек с корвалолом, надел рюкзак, кинул последний взгляд на полянку, и неспешно зашагал к небольшой прогалине в ельнике, к той же самой, что привела его сюда часом раньше.

– Теперь ты понимаешь? – глухо спросил Скрипач. – Ты понимаешь, что ты едва не сделал тогда?

Ит молчал. Смотрел вслед скрывшемуся за елями Яру, и не произносил ни слова – потому что слов в этот момент у него просто не было. Скрипач встал, подошел к нему, и вдруг неловко обнял, ткнувшись лбом в плечо. Ит обнял его в ответ, и погладил по голове.

– Ну не надо, младший, – шепотом произнес, наконец, он. – Рыжий, не надо. Я всё понял.

– Ни черта ты не понял, – с отчаянием ответил Скрипач. – Ты это видел сейчас? Ты вот этого хотел, скажи мне?

– Нет, – тихо ответил Ит. Скрипач стоял рядом, всё еще упираясь лбом в плечо, и, казалось, даже не дыша. – Рыжий, такого я никогда не хотел.

– Но ведь едва не сделал, и не один раз, – шепотом сказал Скрипач. – Господи, какой ужас. Ит, им нельзя это видеть. Ни в коем случае нельзя.

– Они всё равно увидят, – Ит чуть отстранился, и посмот-

рел в глаза Скрипачу. – Ты же понимаешь. Мы не сумеем это скрыть, к тому же мы в одном проекте сейчас.

– Это не проект. Это пытка. Не путай. Этот... мразь, он не мог не знать, что произошло, он смотрел три месяца, как мальчишка умирал от ожоговой болезни, и не сделал ничего. Ничего!!! – Скрипач отошел в сторону, присел на корточки, и запустил руки в волосы. – А мы с ним тогда, когда Гарика гоняли... в одной машине катались, и спрашивали, всё ли у него хорошо... его задушить надо было прямо там, удавить... гадина... господи, какая гадина... на дружбу обратно он к нам набивался...

– Может быть, он в тот момент счел, что это будет способствовать инициации, – сказал Ит. – Не возражай, про удавить я с тобой полностью согласен. Ожоговая, три месяца, огромная площадь поражения, ожоги, видимо, были глубокие, горел рубероид... Три месяца ада, и вот так... Я, кстати, понял, куда он всё время бегал, когда я работал с Фламма, а ты сидел на Окисте.

– Сюда, куда ещё, – кивнул Скрипач. – Он делал тогда ставку на этих, видимо. Фламма... не казались ему достойным объектом. Равно как и Амрит. Не те страсти, ты понимаешь? Не тот накал, – он горько усмехнулся. – Не тот пожар...

– Да и на Гарика и Рэма с Тимом он забил с удивительной легкостью, – напомнил Ит. – Там действительно была игра, в мирной, неплохо продвинутой двойке. Это сейчас они ста-

ли посерьезнее, а тогда, – он махнул рукой. – Он не делал на них ставку, рыжий. Как я и думал, он лгал нам об этой тройке. Точнее, о двойке. Потому что он до сих пор считает перспективными именно их.

– Прах в банке? – Скрипач горько усмехнулся. – Даже так?

– Может быть, рассчитывает воссоздать. Хотя это сомнительно. Что там могло остаться? – Ит задумался. – Зубы, фрагменты крупных костей. Да, ДНК вполне может быть, здесь не такой высокий уровень кремации и последующей обработки, это не Окист. А может, у него и дубль материала сохранен.

– Угу, только материал может и на захотеть, – Скрипач покачал головой. – Вот ты бы захотел – после такого?

– Думаю, нет, – Ит отвернулся. – Хотя Пятого никто не спрашивал. Решил сдохнуть? Хренушки. Вот тебе твоя жизнь, вот дерьмо, вот ложка – и вперед.

– Ты забыл о деструкции, которая в концепт Ри никак не вписывается, – напомнил Скрипач. Он уже успокоился, хотя, конечно, увиденная сцена оптимизма ему явно не добавила. – Именно из-за неё мы здесь.

– Да помню я, – Ит поморщился. – В том и дело. Вообще, вся картинка, которую мы видим здесь, в корне отличается от всего, виденного ранее, согласен? Ада – наблюдатель, они всегда пассивный элемент. На то и наблюдатель. Здесь – она явно действующая единица. Она в схеме, но она не может быть в этой схеме. Она взяла на себя какую-то функцию, для

которой изначально не предназначена.

– Функцию Яна? – предположил Скрипач.

– Не думаю, – покачал головой Ит. – Не похоже. Вот чего, давай погуляем тут немного, и вернемся в город. Послушаем наших теоретиков. К тому же Берта заказала у гения аппаратуру для провески порталов, сегодня должны привезти, и нам с тобой нужно будет просмотреть схему и сделать пробную пристрелку.

– Бертик умничка, – Скрипач улыбнулся. – Бертик не верит в мистику, во всём ищет логику, и правдоподобные объяснения. Ладно, давай прогуляемся, и того, в город. Хотя погоди, я сейчас.

Скрипач ушел куда-то в лес. Вернулся он минут через десять, неся с собой охапку лесных цветов, и ветки папоротника.

– Букет, – объяснил он. – Из чего нашел. Давай положим там, а? Мне почему-то захотелось так сделать.

– Давай, – кивнул Ит. – Это ты правильно придумал.

– Да, до этого момента – более ли менее ровный общий фон, даже про любовь есть, она пишет о том, что не может понять, в кого влюбилась, в Яра, или в Яна, ей они нравятся оба одинаково, – Эри грустно улыбнулась. – Два года, с шестнадцати до восемнадцати, вот эти четыре тетради. А вот эта тетрадь, – она подвинула к себе тощенькую зеленую тет-

радку в обложке из мелованной бумаги, – начата в сентябре семьдесят третьего. После трагедии, – Эри с опаской глянула в сторону кухни. – То есть уже совсем после, Ян к тому моменту уже... ну...

– Уже умер, – вздохнула Берта. – Они ведь к нему приезжали, их пускали даже. Она пишет про страшный запах в ожоговом, о том, как её тошнило, и как это всё жутко. Догадываюсь, как. Но тут получается принципиальный момент – с октября семьдесят третьего у неё кардинально меняется риторика. Тексты записей совершенно другие, ты заметила?

– Мы заметили, – сказал из кухни Лин. – Слом такого размера не заметить невозможно. И с этого же момента начинает проявляться мистическая составляющая, кстати. Запись от двадцать четвертого октября.

– Это какая? – Берта нахмурилась.

– Ты её не читала, – Эри открыла тетрадь. – Это я читала, а они слушали.

– Дай посмотреть, – попросила Берта.

– Держи.

«...когда мне позвонил Рома, и сказал, что Яна больше нет, я ощутила это. И теперь не могу перестать ощущать. Вокруг меня словно миллионы глаз, которые смотрят, не отрываясь, не теряя ни на секунду нить взгляда, и неважно, что я делаю – иду по улице, сплю, ем, читаю, они не отпускают меня ни на миг. Мы все бессильны перед этим одним бесконечным холодным взглядом, от него никуда не скрыть-

ся, никак не спрятаться. Оно здесь. Оно повсюду. Я думала, как можно его назвать, но так и не нашла подходящего слова, поэтому я буду писать про него так, как мне доступно. Я назову его Море травы, потому что больше всего мне напоминает это взгляд кого-то неразличимого, кто прячется в траве, и видит тебя, а ты его не видишь. Он – охотник, а все мы – добыча, у которой нет ни малейшего шанса уйти, и остаться в живых. Мы обречены.

Я не могу рассказать об этом никому, потому что никто мне не поверит, скажут лишь, что я, как Яр, сошла с ума, и положат, как его, в больницу. Мама запретила мне ехать к нему, сказала, что я и без того дура, и что если я поеду, меня в тот же дурдом положат рядом с ним. Но я всё равно поеду, надо только накопить денег, и купить ему хотя бы что-то, Аглая сказала, что там плохо кормят, а он и так почти ничего не ест, поэтому надо собрать денег, и купить ему хотя бы пряники. Он любит пряники, может быть, хоть их поест немного. У меня до сих пор перед глазами стоит эта картина – как Ян исчезает в этой двери, и сейчас я понимаю, что он добровольно вошел в пасть Моря Травы, и оно его поглотило, и что так будет с каждым, кто осмелится...»

– Там дальше неразборчиво, потом она вымарывает какие-то строки, – Берта обернулась к Иту в поисках поддержки.

– Давай прочту, – сказал он. – Так... Ага, вот.

«...кто осмелится попытаться вырвать у него из пасти его жертву. Ян спасал этих детей, за что и заплатился. Добрые поступки оно не оставляет безнаказанными. Оно карает. Оно покарало Яна, и убило его – за доброту. Кажется, я всё-таки больше любила именно его, потому что к Яру я сейчас не ощущаю в полной мере того, что ощущала к нему. Как страшно понимать, что твоя любовь дважды сгорела в огне...»

– Лин, сходи за водкой, – попросил Пятый.

– Ещё чего, – сердито сказала Эри.

– Сходи, сходи, – поддержал неожиданно Ит.

– Вы с ума свихнулись? Мы работаем, какая водка? – возмутилась Эри.

– Мы после работы. Нас тут пятеро, и поллитра на всех – это будут слёзы. Мы были там сегодня, – Ит встал с дивана, прошелся по комнате. – Видели Яра. И то место. Яр туда сегодня приходил. Выпить по рюмке и помянуть – это нормально. Напиваться никто не собирается.

– Тогда ладно, – согласилась Берта. – Добьем этот фрагмент, с аппаратурой разберемся, и помянем.

– Именно это я и хотел предложить, – Пятый кивнул. – Бертик, дай мне, пожалуйста, тот блок считок.

– Только не ты, – твердо произнес Ит. – И не Лин. Вы и так оба поехавшие, куда вам, вы чего?! Мне потом Рэд с Сабом голову оторвут, если это сейчас позволю!

– А мы не скажем, что это ты позволил, – отозвался Лин

из прихожей. – Мы скажем, что это мы сами.

– Ит, ты в такой ситуации не был, – заметил Пятый. – То, что происходит здесь, ближе по уровню воздействия к нам, чем к вам.

– Воздействия на что? – тут же уточнила Берта.

– На психику, в первую очередь, – Пятый задумался. – И Лин, и я были за тем же порогом, за которым оказался в этой ситуации Яр. Я уже вижу тождество, и, поверь, если я возьму пару его счетов из того периода, я пойму больше, чем ты.

– Спорно, – тут же возразил Ит. – Мы тоже оказывались в подобных ситуациях. И не раз...

– О, нет, – Пятый невесело усмехнулся. – Вы в этих ситуациях уже знали, кто вы такие. Поверь, это немало. Мы – не знали ничего, равно как не знает по сей день Яр. Это иной уровень восприятия. Не лучше и не хуже, но парадигма другая. Твоё знание определяло тебя, наше незнание – определяло нас, и продолжает определять Яра в данный момент. Поэтому сейчас Лин ходит за водкой и едой, а потом мы возьмем по счету, и откроем.

– Угу, а я пока укладку достану, – добавил Скрипач. – Потому что догадываюсь, как вас расколбасит после этих счетов. И не спорь со мной!

– Да я и не собирался, – пожал плечами Пятый. – Расколбасит, конечно. Но мы потом водки выпьем, и...

– Делайте, что хотите, – Берта отвернулась. – Но сперва аппаратура. Счеты потом. Ит, там два кофра в прихожей,

принеси, будь любезен.

– Хорошо, что кофры не идут в комплекте с гением в этот раз, – заметил Ит. Сходил в прихожую, принес и положил на стол два небольших кофра. Открыл. – Ага. Практически по старой схеме. Дирижер, и по сорок датчиков на спираль. Маленькая, сейчас лето, поэтому давайте вместе завтра прокатимся. Вы с Эри на дирижере посидите, а мы схемки будем разбрасывать. Ага?

– Ага, – согласно кивнула Берта. – Вынимай, давай смотреть.

И дирижер, и датчики к творчеству, по словам Берты, не располагали, потому что снимать могли только основные параметры частотных характеристик предполагаемых порталов, характерных для миров Сонма. Берта пожала плечами – в подобных экспериментах она смысла не видела, но раз гений решил, что надо, то почему бы и не сделать. Время, конечно, жалко, говорила она, мы сто процентов ничего нового тут не найдем, к тому же аппаратная база, которую нам прислали, ничего действительно нового найти не способна в принципе. Хорошо, мы подтвердим ту же активность, что и в других подобных мирах, соглашался Ит, но чем чёрт не шутит, может быть, увидим что-то интересное. Провесим два портала, на Котельнической, и на Балаклавке, этого будет довольно. Да, этого будет довольно, согласилась Берта, но гений лукавит, поэтому запрошу-ка я, пожалуй, сейчас его прежние сводки по этим порталам, потому что они стопро-

ценно тут уже всё не раз снимали, а мы, кажется, идём ничем иным, как контрольной группой.

С датчиками и дневниками провозились в результате полтора часа, за это время Лин успел сходить в магазин, вдвоем со Скрипачом они нажарили картошки, и потушили целую кастрюльку куриных ножек, и лишь после этого Берта позволила, наконец, вынуть нужный гель-блок со считками.

– Только давайте что-то покороче, – попросила она. – Вот эту, например, и эту.

– Малыш, это миксы, – Ит вывел визуал с сопроводительной. – Четыре минуты... ага... видишь, это два фрагмента. А вот эта... три, последний совсем короткий, там секунды. Их перемонтировали, и совсем не факт, что это может быть действительно...

– Погоди, – попросил Пятый. Подсел ближе к Иту. – Первую возьму я, вторую рыжий. Ты тогда меня отслеживай, а Скрипач Лина. Ну, чтобы быстрее с этим закончить. Договорились?

– Договорились. Только налобник возьму, – Ит встал. – Транслировать вы это дело, я так понимаю, не хотите.

– Ещё не хватало, – Лин поморщился. – Ну, ты сказал.

– Можно и транслировать, – пожала плечами Эри. – Мы с Бертой не сахарные. Переживем.

– Вы именно что сахарные, и не надо ничего переживать, – твёрдо ответил Пятый, садясь в кресло. – Так, всё. Поехали. Раньше сядем, раньше выйдем.

Вход в первую локацию считки. Больничный коридор, стеклянные, покрашенные белой краской до высоты человеческого роста, двери, надпись красным на плексигласовом коробе где-то наверху. Утро.

– ...господи... как? Когда?..

– В три часа, не могли позвонить вам, простите. Ночью. Ну, так бывает часто, что ночью, – голос врача звучал одновременно виновато и агрессивно. Странная смесь, он словно бы себе сейчас доказывал свою же правоту – в которую на самом деле не верил. – Ничего мы не могли сделать. Острый сепсис, шок, развился буквально за четыре часа. Мы оказывали помощь в том объеме, в котором могли, но мы не боги, как вы понимаете...

Голос врача доносился до Яра, как сквозь вату, он понимал произносимые врачом слова, но в предложения, связные и осмысленные, они никак не складывались, распадались на какие-то отдельные бессвязные звуки. В ожоговом, как всегда, ужасно пахло, но к запаху Яр привык, и, пусть и с трудом, но к нему притерпелся. И вдруг понял, что всё, этот запах, который он слышал и едва выносил – он больше не почувствует. Потому что это, о ужас, был запах жизни. А теперь...

– Но мы же вчера с ним разговаривали, – произнес он, наконец, с трудом пересилив ступор, который наваливался на него, как каменная глыба. – Он же вчера был...

– Так иногда случается, – врач вздохнул. – Примите мои соболезнования.

– Но вчера...

– Молодой человек, я уже сказал всё, – из голоса врача пропадает та тень сочувствия, которую он пытался изобразить минутой раньше. – Острый сепсис, вы понимаете? Он долго боролся, сил не хватило. И ещё, знает, – он понизил голос, и придвинулся ближе к собеседнице. – Может, оно и к лучшему. Если бы он выжил, он стал бы глубоким инвалидом, не факт, что сам бы смог ходить. Он же приемный вам сын, верно?

Женщина медленно кивнула.

– Вот, – врач приободрился. – Вы смогли бы на своих плечах тянуть такого инвалида? Как бы он себя обслуживал без двух рук, а? Сами подумайте. Лучше уйти вот так, чем потом всю жизнь страдать.

– Я бы его обслуживал, – говорит Яр. – Мама, я бы всё делал, ты же знаешь. Я...

– Яр, помолчи, – просит она. – Мне не меньше больно, чем тебе, но ты тоже подумай. Просто подумай. Ян мучился, понимаешь? Очень мучился. Ему теперь уже не больно. Пойдем, мальчик. Пойдем. Я тебя вниз отведу, и мне надо будет тут еще поговорить.

Пауза. Переход ко второму фрагменту. Смена локации – кухня в квартире семьи Яра. Вечер.

Яр стоит у раковины, полной грязной посуды – поминки ещё не закончились, но мать послала его перемыть тарелки, их не хватает. Людей пришло неожиданно много – их одноклассники, одноклассники из института, заглянули соседи. Яр до этого никогда не слышал о брате столько хороших слов, но слова эти были пустыми, ничего не значащими, они пролетали мимо Яра, как осенние листья там, на кладбище, где сегодня утром зарыли урну.

– Нет, – шепотом произносит Яр, сжимая в руках кухонное полотенце. Сильнее, сильнее, ещё сильнее. До дрожи, до хруста, до вившихся в ладони ногтей. – Нет... нет, нет! Нет! Нет!!! НЕТ!!!

Он не замечает, что кричит уже, что есть сил, и не слышит, как выбежавшая на его крик из комнаты мама с испугом спрашивает:

– Яр, что с тобой? Яр? Яр! Помогите, кто-нибудь, помогите!..

Первый фрагмент считки. Локации не видно, в поле зре-

ния только яма в земле.

Короткое.

Совсем короткое, как луч осеннего солнца, как блик на воде.

Руки, перемазанные до локтей липкой грязью, обломанные ногти, золотые листья, которые несет холодный, порывами, ветер, боль, и телесная, и душевная, но душевная сто крат перебивает телесную, и нет от неё спасения, и не может быть.

– Ян, я сейчас... – шепот, сбивающийся, торопливый, едва слышный. – Ты только потерпи, подожди, я сейчас... я скоро...

Руки, перемазанные грязью и кровью, оскальзываются на гладком металле, но он вытаскивает урну, ледяную, настолько холодную, что она обжигает руки болью, и прячет под куртку, под свитер, ближе к телу.

– Сейчас я тебя согрею, Ян, – ещё тише, беззвучно. – Пойдем отсюда, пойдем скорее...

Второй фрагмент. Казенное помещение, тяжелый, неприятный запах, решетка на покрашенном окне, пустая комната. Время дня определить невозможно.

...Крашенная в зеленый цвет облупившаяся лавка в отделении милиции, голоса в отдалении. Апатия и безразличие. Под курткой ничего нет, урну отобрали.

– ...осквернил могилу, среди бела дня копался, вытащил урну, орал на сторожа, который пытался его остановить...

– ...простите, это брат его... неделю как похоронили... он не в себе немного, тяжело очень переживает...

– ...если не в себе, так следить надо, мамаша, а не это вот... чтобы такое не повторялось...

– ...мы пытаемся... к врачу, к психиатру, да... я заплачу, если надо, но вы тоже поймите...

– ...кому чего вы платить собрались, если могила-то ваша?... заройте потихоньку обратно, сторожу вон заплатите... но чтобы больше так не...

Голоса исчезают, хлопает дверь.

– Они его два раза сожгли, – произносит Яр. Произносит довольно громко, но слышать его некому. – И хотят заморозить. Я не дам его заморозить. Там холодно. Ему там будет холодно. Я не дам. Так нельзя. Нет...

Обрыв считки.

– Рыжий, сходи за ещё одной бутылкой, пожалуйста, – попросил Пятый.

– Это ты кому? – спросил Скрипач.

– Это я тебе. Второй рыжий в ближайшие полчаса не ходок, – Пятый поморщился, потер руками виски. – И я тоже не ходок. Разве что до кухни.

– Что там было? – спросила Берта.

– Боль, – ответил Пятый. Лин согласно кивнул. – И самое скверное, что отчасти гений был прав. Она действительно способна подтолкнуть к инициации – когда она вот такая.

– Но она не подтолкнула, – заметила Берта.

– Да, верно. Не подтолкнула. Но сумела свести с ума.

5

Нетленка

Очередную жопись Роман продал более чем удачно, да еще и благодарные заказчики привезли ему гостинцев, поэтому следующую неделю он решил посветить не жописи, а некоему другому занятию, возвращаться к которому он всегда отчаянно боялся, и столь же отчаянно желал. Акрил, кисти для акрила, малый мольберт, и картонные отправки в «долгий ящик», проще говоря, Роман отнес всё это добро в кладовку, и вынул из этой же кладовки масло, совершенно другой набор кистей, палитры, и, разумеется, студийный мольберт-трансформер – потому что на малый этюдный мольберт работа, которую он планировал продолжить, не помещалась. Подрамник с неоконченной картиной стоял до времени запакованный, сейчас же Роман бережно распа-

ковал его, и водрузил на мольберт, на законное место.

И холсты, и подрамники для нетленки Роман всегда заказывал под свои собственные размеры, и грунтовал сам – качество грунтованных холстов, имеющих в продаже, его категорически не устраивало. Работал он над каждой нетленкой по два-три года, поэтому нетленок за всю жизнь написал меньше тридцати штук, но принципиального значения это не имело, потому что нетленки Роман никому, кроме самых близких друзей, не показывал. Точнее, он в какой-то момент, после неких событий, перестал это делать, и нетленки в результате прочно осели в стенах его квартиры, частью на стенах, частью – запакованные и убранные подальше от любопытных глаз.

Нетленки – это было святое. Всё остальное, в том числе работы выставочные, заказные, и прочие, Роман давно окрестил жописью, и относился к ним без всякого сожаления, максимум – с разумной осторожностью. Жопись можно было продавать, дарить, выставлять, отдавать на растерзание критикам; она легко писалась, и столь же легко Роман разлучался с ней, не испытывая ни угрызений совести, ни жалости. Это было ремесло, и не более. А вот то, что ремеслом не являлось, стояло сейчас перед Романом на мольберте, купаясь в прозрачном летнем утреннем свете. Именно над этим неремеслом Роман работал третий год, вкладывая в картину всё, что было в душе, и прекрасно осознавая при том, что картина эта – последняя, следующей уже не будет.

Композиция на холсте выглядела обманчиво-простой, всё было вроде бы стандартно. Волнующееся море, шторм, облака, солнечные промоины, через которые врывается в пространство изображения свет, рисующий на воде яркие блики, и – входящий с левой стороны картины в поле зрения корабль, точнее – яхта, на которой находятся какие-то люди. Это было то, что зритель, впервые увидевший работу, различал с самого начала, а вот дальше... дальше, чем больше человек смотрел на картину, тем больше деталей он начал замечать. Яхта при ближайшем рассмотрении оказывалась отнюдь не современной обычной яхтой, нет, это был какой-то фантастический корабль, ни на что не похожий. Потом обнаруживалось, что ракурс изображения тоже необычен – больше всего он походил на картинку, которую могла бы видеть взлетающая птица, но никак не человеческий глаз. Дальше в прозрачной воде становились видимы очертания какого-то то ли животного, то ли чудовища, огромного, тоже ни на что не похожего, поднимающегося к яхте сквозь толщу воды – и люди на судне, оказывается, знали о его присутствии, потому что черноволосая девушка, держась за ванту, указывала куда-то вниз, вторая девушка стояла, ухватившись за леер, и тоже смотрела в воду, двое мужчин готовились стрелять из оружия, слегка напоминающего автоматы, а из кабины яхты спешил к ним еще один мужчина с оружием явно посерьезнее – таким образом победа чудовища находилась под большим вопросом. Реалистичность и дина-

мика картины поражали. Роман, готовясь к этой работе, пересмотрел сотни, если не тысячи работ маринистов; обошел все доступные выставки в Москве, съездил к морю сам, и провел там почти месяц, перечитал уйму литературы о парусных судах, пересмотрел кучу видео. Два с половиной года назад ситуация с прыгающим давлением у него была лучше, да и сил было побольше. И он – искал. Искал все возможные совпадения в реальности с тем, что видел у себя в голове. Искал, и сверялся. Потому что каждая капля воды, каждый луч света, каждое движение – всё было важно и значимо. Ракурс он «ловил» три месяца, изводя в процессе кучу блокнотов, карандашей, картонов, и акрила; десятки набросков летели в помойку, десятки картонок были стгоряча переломаны, и десятки карандашей сточены в ноль. Добившись нужно ракурса, он приступил к разметке холста – на это ушло ещё три месяца.

– Айвазовский? – повторил Роман вопрос Яра, который, конечно, когда речь пошла о маринистах, в первую очередь вспомнил Айвазовского. – Нет. Конечно, нет. Айвазовский в подобных работах всегда видит картину с борта корабля, на котором мысленно находится сам, а здесь – кое-что другое. Моя точка выше, словно что-то взлетает, и на взлете, метрах в пятнадцати-двадцати, фиксирует эту картину. Поэтому искажения и углы перспективы будут не такими, какими они являются у Айвазовского.

– Что-то взлетает? Вертолет? – предположил тогда Яр.

– Нет, – Роман усмехнулся. – Я не знаю, что это. Может быть, что-то механическое, может, птица, хотя, наверное, птица должна это всё видеть не так. Потому что зрение птицы, как ты понимаешь, устроено иначе, и если бы картину видела птица, у неё было бы иное построение.

– А что мы делаем? – Яр рассматривал холст, но разговор этот происходил в самом начале работы, поэтому о деталях пока что предстояло только догадываться.

– Вы с Яном готовитесь стрелять, Аглая показывает, куда, Ада пытается понять, что именно к нам приближается, а я бегу на помощь, – объяснил Роман. – Думаю, мы победим. У нас для этого есть все шансы.

– С названием ты уже определился?

– Я думал, ты мне поможешь, – пожал плечами Роман. – Ты же журналист...

– Ром, логика у тебя порой на грани фантастики, – вздохнул тогда в ответ Яр. – Это же твоя картина. Ты её автор. Не я. Ладно, на счет названия подумаем потом. Ты ведь только начал, времени ещё полно. Кстати, а где это происходит? Это ведь не Земля, верно?

– Верно, – кивнул Роман. – Возможно, это Луна.

Главным секретом нетленки было то, что на каждой картине всегда присутствовали – пятеро. По словам Романа, выходило, что их в Братстве идущих к Луне пятеро, а это значит, что картины обязаны повествовать о них пятерых, обязательно обо всех, и поэтому все сюжеты его работ всегда

были обо всех, и со всеми. Самая первая нетленка называлась «Встреча», и написал её Роман через пять лет после гибели Аглаи. На этой картине, самой быстрой, даже стремительной нетленке, созданной всего за четыре месяца, была дорога – та самая дорога, ведущая к кладбищу, через холм и через поле, но дорога эта была летняя, июльская, под высоочерным, выцветшим от жары небом, и на дороге этой находились пятеро – в первый раз. Причем четверых Роман написал к зрителю спиной, лицом к зрителю находилась лишь Аглая. Сюжет: дорога среди поля, где-то в отдалении валяется брошенный велосипед – видимо, его как раз бросила девушка, которая бежит, раскинув руки, к тем, кто стремится ей навстречу. Нет, не бежит, летит – а к ней точно так же летит черноволосый парень в потрепанной белой рубашке и парусиновых штанах, и следом за парнем к девушке бегут ещё трое: двое парней, и девушка с букетом полевых цветов. Но и парень в белой рубашке, и трое других – словно не в фокусе, чуть размыты, то ли от движения, то ли от того, что фокус направлен только на бегущую к парню в рубашке девушку с черными волосами; девушку, которая ехала через это бескрайнее поле на велосипеде, и, увидев четверых, идущих навстречу, соскочила с велосипеда, бросила его, и кинулась бегом, опрометью, раскинув руки – чтобы, добежав, обнять, прижать к себе, и не отпустить. Никогда.

– Не надо, чтобы это видела Аглашина мама, – только и сумела сказать Ада, когда Роман позволил ей увидеть полот-

но – тогда они начали снова общаться. – Она от горя умрёт.

– Тебя спросить забыли, – огрызнулся Роман. – Сам разберись.

– Извини...

Дальше были и другие нетленки, некоторые – столь же пронзительные, как первая, некоторые – спокойнее, сдержаннее. Когда Роману исполнилось сорок, появилась первая работа, повествующая о Пятерых на Луне – но эту работу, с городом, парящим в облаках, Роман показал тогда только Яру, Ада же увидела её лишь через десять лет, много позже, чем Роман её написал.

Яр появился у Романа днём, когда нужный свет уже почти ушёл, и работа над полотном остановилась. Сейчас Роман собирал кисти, убирал палитру, мольберт он отодвинул к дальней стене, чтобы случайно не задеть.

– Завтра продолжу, прогноз хороший, – сообщил он Яру, когда тот переступил порог террасы. – Ох, боюсь я не успею закончить. Вот зарядят дожди, и будем сидеть в темноте...

– Может, и не зарядят, – Яр поставил рюкзак на стул у стола, подошел к полотну, и принялся с интересом разглядывать его. – А что ты добавил?

– Ты не видишь разве? Свет, и вот этот участок моря, там вода... как бы объяснить... в общем, мне не нравится угол преломления, и прозрачность не та.

– Как по мне, так это всё более чем реалистично, – польстил Яр.

– Не в реализме дело, – отмахнулся Роман. – Реализм может работать любой технарь, если у него руки выросли из плеч. Блики, светотень, и прочая ерунда, которой можно обучить обезьяну. Нет, тут иное, друг, тут ощущение. Вот что ты чувствуешь, когда смотришь, скажи?

– Восторг, и одновременно, пожалуй, тревогу, – Яр задумался. – Движение, полет...

– Вот! – поднял палец Роман. – А должно быть предвкушение. И момент. За секунду до... до чего-то.

– Это всё тоже есть, – кивнул Яр.

– Но недостаточно, – покачал головой Роман. – Потому что если бы это всё было, то ты бы об этом сказал. А ты не сказал.

– Ну вот, я теперь ещё и виноват, – вздохнул Яр.

– Не виноват, не передергивай. Надо доработать так, чтобы это само возникало в голове, понимаешь? – Роман убрал в специальный короб вторую резервную палитру, и выпрямился. – А где эта шатается? – вдруг спохватился он.

– Опять туда пошла, где ей быть, – безнадежно махнул рукой Яр. – Я больше гоняться за ней не хочу, надоело. Сколько можно?

– Ну и чёрт с ней, – кивнул Роман. – Свою голову вместо дурной чужой не приставишь.

– Сказала, что близко подходить не будет, и в канаву не по-

лезет, – Яр тяжело вздохнул. – Будет вроде как гулять. Пусть гуляет.

– Главное, чтобы не догулялась, – Роман отвернулся. – Давай чаю попьем, и пойдем всё-таки отлавливать эту идиотку. Пустые руки – игрушка дьявола, приставим к делу. Пусть обед готовит.

– Хорошая идея, – одобрил Яр. – Только картошку с морковкой я сам почищу, поучаствую. Она ведь тоже... нет, я всё понимаю, но мне её всё-таки жалко.

– Тебе её жалко, потому что ты её когда-то любил, уж не знаю, за что. А она любила Яна. Вот и вся твоя жалость, более чем просто объясняется, – заметил Роман.

– Она и сейчас его любит, – Яр вздохнул. – А я сам... не знаю. Так и не понял, наверное. Глупый я, выходит дело. Вроде не дурак, но всё равно глупый.

– Наивный, – поправил Роман. – Так, чего у нас там про чай?

С чаем заморачиваться не стали, заварили пакетики – чай оказался неплох, с бергамотом, один из подарков заказчика – быстро выпили, и засобирались. Ловить Аду предполагалось на пересечении Яблочной, Кленовой, и Еловой улиц, причем Роман выступал в качестве охотника (с собой он взял неизменную складную табуреточку), а Яр – в качестве загонщика. Ты её выгони на меня, а дальше ей не отвертеться, сооб-

шил Роман, когда они вдвоем вышли на позицию. От тебя она потащится сюда, потому что больше некуда. А тут уже я, и куда ей деться?

Так и получилось. Увидев идущего по улице Яра, Ада подхватила, и двинулась в сторону от него, потом свернула на Еловую, дошла до поворота – и наткнулась на Романа, который при её приближении встал, сложил табуреточку, и пошел ей навстречу.

– Ну что, добегаешь? – спросил он сердито. – Всё, на сегодня довольно.

– Ром, ну вот зачем? – с упреком спросила Ада.

– Затем, что мы голодные, – сообщил Роман невозмутимо.

– А сами вы суп сварить не можете?

– Можем. Но получится хрючево, – констатировал Роман очевидное. – Ада, давай ты всё-таки умеришь пыл в своих посягательствах на кота, и вспомнишь, что у тебя есть рядом два человека, которым твоя помощь не помешала бы. У меня давление снова скачет, у Яра спина отваливает. И очень хочется супчика на обед. Ну сделай одолжение...

Ада тут же сдалась, тем более что Яр уже подошел к ним, и стоял сейчас рядом, сдержанно улыбаясь. Даже, пожалуй, заискивающе улыбаясь.

– Я там морковку почистил, – сообщил он. – И картошку. Адусь, правда, очень спина болит, а супа хочется. Ну порадуй нас, пожалуйста.

– Ладно, – Ада вздохнула. – Идёмте домой. Я там такое

подслушала... дома расскажу.

– В общем, он стоит пятнадцать тысяч, – рассказывала Ада. – И Юрий действительно купил его спяну, решил сыновей порадовать. Но! – она подняла палец вверх. – Скорее всего, они не станут его забирать в город. Хотят бросить на даче.

– И что с того? – поинтересовался Роман. – Это не первый раз, вообще-то.

– Да то, что можно будет его подобрать, и отдать кому-то, – ответила Ада. – Если он им всё равно не нужен.

– Не получится, – тут же сказал Яр. – Потому что бросят они его в сентябре. А уходим мы... Ром, когда мы уходим?

– Тридцать первого августа, – ответил Роман.

– Не совпадает, видишь? – Ян чуть виновато посмотрел на Аду. – Они ещё не уедут. И даже если уедут, мы всё равно не успеем его пристроить.

– Да и не факт, что кот к тому времени будет жив, – добавил Роман. – Ты же знаешь этих детей.

Ада ничего не ответила. Отвернулась, и принялась мешать суп в небольшой кастрюльке, стоявшей на плитке. Роман молча посмотрел на Яра, тот беспомощно развел руками. Мол, что делать-то? Врать? А смысл? Самообман в данном случае глупость несусветная, надо принимать, как данность, то, что есть – всё равно ведь будет оно так, как будет.

Увы.

– Ада, если что-то изменится, мы воспользуемся ситуацией, – осторожно произнес Яр. – Но ты пойми, это же...

– Я всё понимаю, – глухо ответила Ада. – Всё. Не думай, я не настолько глупа, как вам того хочется. Просто больно очень. Мне его жалко.

– Всех тебе жалко, кому этого не требуется, – Роман рассердился. – Ты бы нас лучше пожалела. Или хотя бы себя.

– Я не могу себя, – ответила Ада, не поворачиваясь. – Я себя ненавижу, Ром, и ты об этом знаешь. Давайте сейчас не будем об этом, – попросила она. – Садитесь есть. Суп и правда вкусный получился.

– Что ты делаешь? – с любопытством спросила Берта, подсаживаясь к Эри. Та сидела за столом, и на тетрадном листе рисовала какие-то непонятные схемки, больше всего напоминающие то ли детские каракули, то ли почеркушки художника-абстракциониста. Какие-то кружочки, точки, пересекающиеся линии...

– Думаю, – отозвалась рассеянно Эри. – Пытаюсь кое-что для себя понять.

– И что именно? – Берте стало интересно.

– Понимаешь, еще давным-давно я для себя сделала одно открытие... если его можно так назвать... – Эри задумалась, подбирая слова. – Таких, как мы с тобой – много, понима-

ешь? Мы с ребятами говорили тогда про осколки голограммы. То есть нас получается в разы больше, чем их.

– Эээ... погоди, – Берта потеряла переносицу. – Наблюдателей?

– Ну да, – кивнула Эри. – И не только. Его женщин – тоже. Таких, как Джессика. Такие, как мы, знают что-то о черных и рыжих. А те женщины, они видят прекрасного принца, если это можно так назвать. То есть у нас есть какие-то идеалы, что ли. Или предвидение. Предчувствие, что-то вроде того.

Эри, впрочем, как и всегда в подобных случаях, говорила немного неуверенно, словно пыталась нащупать, уловить какую-то не совсем сформировавшуюся, ускользающую мысль – но Берта отлично знала, что мысли такого рода у Эри отнюдь не праздны, и чаще всего эта мысль потом способна трансформироваться в модель, причем весьма серьёзную. Но для начала нужно, конечно, разобраться, что именно Эри почувствовала. Она именно что чувствует, и порой эти ощущения в достаточной степени трудно передать словами.

– Ты имеешь в виду, что подобное притягивает подобное? – осторожно спросила Берта.

– Не совсем, – покачала головой Эри. – Это было бы слишком просто, а тут получается сложнее. Вот смотри...

Она перевернула тетрадный лист, и нарисовала на нём три кружочка, в самом центре. Два рядом, один чуть в стороне.

– Это они, – объяснила Эри. – Архэ. Их трое, видишь? Берта кивнула.

– А теперь смотри дальше...

Рядом с кружочком, расположенным в стороне, появился ещё один.

– Это она. Женщина. Спутница. Или, в некоторых случаях, Связующая Барда, – Эри улыбнулась. – Теперь дальше.

Рядом с двумя другими кружочками появилось ещё три.

– Это, допустим, ты, а это – мужики. Фэб и Кир, например. Или, как у нас, Рэд и Саб, – объяснила Эри. – Встречающие и Наблюдатель.

– Хорошо, поняла, – кивнула Берта. – И что из этого следует?

– Сейчас поймешь. Они трое – не рожденные. Воссозданные. Всегда. Правильно?

Берта снова кивнула.

– А вот мы – нет, – Эри подняла голову, и посмотрела на Берту задумчивым взглядом. – Мы всегда – рожденные. У нас были мама и папа, или, в случае рауф, были старшие отцы, определяющие, и мамы. Так?

– Ну... да. И?

– Ну и вот, – пожала плечами Эри. – Нас всегда больше, Бертик. И я стала, кажется, догадываться, почему. Смотри, что у меня пока что получается.

Чуть ниже Эри нарисовала один кружочек, разделив его полосочками на три части, а ниже нарисовала какую-то невнятную схему – то ли сиур, то ли подобие сиура. И принялась ставить внутри этой схемы множество точек, где-то

гуще, где-то реже.

– Что это такое? – нахмурилась Берта.

– Сейчас объясню. Вот это место, – Эри обвела ручкой свои каракули, – кластер пространства, в который должны попасть каким-то образом они трое. Я не про конкретное что-то, я про вообще. И в этом кластере начинаем появляться... ну, мы, – она пожала плечами. – Множество нас. Кто-то сильнее, кто-то слабее, где-то нас больше, где-то нас меньше, но мы всегда, понимаешь, всегда появляемся там, где должны появиться они. Понимаешь?

Берта вдруг почувствовала, что у неё мороз пробежал по коже. Потому что Эри была права. Целиком и полностью права.

– Вот эти три пары, – Эри кивком указала на очередной дневник. – Мы не искали, но там, где были Фламма и Амрит, и Наблюдатель, и Связующая появились бы обязательно. Скорее всего, они там и были уже, просто не дожили до момента встречи. Потому что все погибли раньше, и Амрит, и оба брата, и... наверное, они тоже. Вторая пара – поехали искать что? А кого нашли? На болоте, чёрти где они находят... правильно. Связующую и Наблюдателя. В сильно искаженном виде, конечно, но ведь находят же! Здесь. Связующая и Наблюдатель уже присутствовали при появлении Романа и братьев, ведь так? Да, Связующая погибла, но Наблюдатель – жива. По сей день.

– А мужчины? – с интересом спросила Берта.

– Ну, их тут не могло быть, но если бы Яр и Ян вышли за пределы этого мира, они бы нашлись, – уверенно ответила Эри. Настолько уверенно, что Берте снова стало не по себе. – Думаю, что если их поискать, они найдутся. Если, конечно, они ещё живы. В этом кластере немало миров рауф, ты же знаешь.

Берта кивнула. Верно. Немало.

– Я вот еще что думаю. Ада не погибла из-за того, что погиб Ян, – Эри покачала головой. – Если бы он не погиб, она бы уже умерла. Просто потому что так надо. Или – или.

– Знаешь, это надо подумать, – Берта посмотрела на исчерканный листок. – Некое рациональное зерно в том, что ты говоришь, есть. Но, опять же, нам нужны дополнительные данные. Потому что выборка маловата, согласись. Пять групп. Это ни о чем.

– Согласна, – тут же кивнула Эри. – Слишком мало. Но давай правда про это подумаем. Не просто так же это всё...

– А вот это верно. Конечно, не просто так, – Берта улыбнулась. – И как это у тебя получается каждый раз?

– Что именно? – не поняла Эри.

– Нестандартно мыслить, – пояснила Берта.

– Не знаю, – Эри пожала плечами. – Давай дневники читать. А то я что-то увлеклась, а работа сама себя не делает.

– Давай, – Берта придвинула к себе тетрадь. – Это у нас... ага... это от восемнадцати лет, и дальше. После смерти Яна.

– Да, да, – покивала Эри. – Она тут уже другая. Совсем

другая. Потому что ребенком и подростком она после восемнадцати быть перестала.

«...ужасный скандал. Я ездила туда, как на работу, каждую неделю, и про это узнала мама. Господи, как она кричала! Стекла дрожали. Она была в бешенстве, и даже ударила меня пару раз, потому что решила, что я брала у неё деньги, чтобы купить ему поесть, а я ничего не брала, я покупала на те, что зарабатывала сама. Да и что я могла привезти? Хлеб, пряники, сигареты, чай. Правда, чай мне сказали больше не привозить, потому что чай, оказывается, нельзя, его или украдут, или сделают цифирь. Но мама решила, что я на её деньги таскаю Яру еду в дурдом. Я не смогла ничего доказать. И никогда не смогу, она мне не верит.

Буду ездить дальше. Мне уже есть восемнадцать лет, я совершеннолетняя, и могу решать такие вещи сама. Да, я боюсь, что она может выгнать меня из дома, но это значит лишь то, что мне надо быть осторожнее, и не попадаться больше. Я знаю, что меня сдала маме староста нашей группы, потому что я сбежала с практики, чтобы к нему поехать, значит, больше с практики не убегу, буду приезжать вечером.

Яр и раньше был худеньким, а теперь вообще похудел так, что на него смотреть страшно. Он почти ничего не ест, ма-

ло говорит, и отвечает невпопад. Врач объяснил, что это из-за лекарств, которые ему дают, и что, видимо, так до конца курса приема этих лекарств с ним будет, потому что других лекарств не существует. Яр со мной говорит, но только про одно. Про то, что у него отобрали Яна, и закопали, и что Яну там холодно. Он просил меня спасти брата, но я не смогу, конечно, выкопать урну, и привезти ему. Это невозможно. Во-первых, урну тут же отберут, и снова зароят. Во-вторых, меня или в тюрьму посадят, или туда же, где сейчас Яр. В-третьих, я боюсь этой урны, или... нет, неправильно. Не боюсь. Мне больно внутри, когда... (зачеркнуто, неразборчиво) Я видела её на похоронах, мне этого хватило. Она чёрная, как ночное небо, и эта табличка... (зачеркнуто)

Мне приходится теперь прятать дневники от мамы. Она пыталась их выкинуть, случайно нашла во время уборки, и отнесла на помойку. Я доставала свои тетрадки из контейнера, вся перепачкалась, порвала кофту, и был ещё один скандал. Теперь прячу дневники в подушку своей тахты. Почему она меня ненавидит? Я же люблю её. Чем я заслужила такое отношение к себе? Хотя нет, заслужить-то я заслужила, но почему она каждый день и час старается напомнить мне об этом?..»

– Да, отношения у них не очень, – заметил Лин.

– Это ты преуменьшил размер проблемы, – покачала головой Эри. – У меня было нечто подобное. Я знаю, как это...

когда вот так. Может быть, дальше станет понятнее, почему у них получилось вот такое, но догадки у меня есть.

– Отец, – тут же сказала Берта. – Женщина просто отыгралась на дочери, как мне кажется, за свои неудачи в личной жизни.

– Нет, не думаю, – Эти повернулась к ней. – Ада сама хороша, Бертик. Более чем хороша, уж поверь мне. Ты не заметила некоторые несоответствия? Ада врёт. Я такая же лгуныня, ну, была, по крайней мере, и, поверь, в этом нет ничего хорошего. Ада – врёт, повторяю. И на учёбе, и матери. А цель её вранья вовсе не благая. Это эгоизм чистой воды.

– Да ладно, – тут же возразил Скрипач.

– Вот и ладно, – ответила Эри. – Яру её присутствие не требуется. Он в больнице, ему и без того плохо. С учебой у Ады не очень, в этом я больше чем уверена. Денег в семье мало. А она делает что? Таскает в больницу пряники, которые бедный парень съесть просто не сумеет. Внешне её поступки выглядят вроде бы благородно. Жалостливая девушка пытается заботиться о попавшем в беду друге. На практике всё не так. И зря вы думаете, что она этого не понимает. Она понимает. Но продолжает делать то, что делает.

– Эк ты загнула, – покачал головой Скрипач. – Мать там тоже хороша. Выкидывать чужие записи – такое себе занятие, уж прости.

– А я и не говорила, что мать там ангел, – возразила Эри. – Мать та еще сволочь, но, рыжий, правда, они друг друга сто-

ят. Давайте дальше почитаем, может быть, всё станет понятнее.

«...что говорит Роман про это. Рома к нему ездил, но поесть ничего не отвез, сказал, что купил мыло, и зубной порошок, вроде ему сказали, что это можно. Он поговорил с врачом. Говорит, диагноз сложный, основной вроде бы шизофрения, но как-то он сказал, что параноидная шизофрения, потому что там и депрессия, и паранойя, и что-то ещё, я не запомнила, что. Яр постоянно говорит, что Яну там холодно. И что его надо забрать оттуда, чтобы согреть. Он убежден, что против него и Яна есть какой-то заговор, поэтому Яна они спрятали под землю, а его, Яра, посадили сюда, чтобы он не мог помочь брату.

Чёрт, пишу про это всё, и у меня трясутся руки. Это ужасно. Он был такой веселый, такой хороший, а сейчас он как тень, как призрак, с потухшими глазами, худой, запущенный. Единственное, что он делает не по приказу – это моется. И он, и Ян всегда были очень чистоплотными, и вот эта самая чистоплотность то единственное, что в нём осталось от прежнего веселого здорового Яра.

Я поговорила с его приемной мамой. Она стала какая-то отчужденная, и дала мне понять, чтобы я не лезла не в своё дело. Мол, они сами разберутся. Они к нему приезжают, но нечасто, раз в пару недель. Им врач сказал, что чаще не надо. А мне он сказал, чтобы я пока вообще не приезжала, потому что в моём присутствии нет необходимости. Но как

же я не приеду, разве я могу его бросить? Мне его жалко. Надо подумать, что делать. Или попробовать посоветоваться с Аглаей. Роман слишком строгий, слишком серьезный, а она добрая, и, может быть, она что-то придумает...»

– Что и требовалось доказать, – Эри обвела всех присутствующих взглядом. – Ей все говорят прямым текстом: не лезь, не ездь, не нужно. Но нет! Она упорно продолжает пробовать что-то придумывать, вы заметили?

– Мы заметили, что ты пытаешься осудить её, а на самом деле ты осуждаешь себя, – Берта покачала головой. – С чего бы вдруг?

– С того, что это правильно, – Эри вздохнула. – С того, что в некоторых ситуациях следует выключать эмоции, и включать голову. И Ада этого делать не умеет. По сей день, как мне кажется.

– Вынужден согласиться, – кивнул Скрипач. – Мы там последили немножко. Да, Эри права. Ада действует именно так, как сейчас сказала Эри. Разум у Ады не в фаворе. А вот эмоции просто через край, по поводу и без. Ада весьма специфический персонаж в этой истории, и, девочки, скажу вам так: вы в сравнении с ней самые натуральные ангелы, в полный рост. Да, да, не сомневайтесь. И учтите, мы пока что лишь смотрели на это всё со стороны, причем недолго...

– Вот-вот, – подтвердил Ит. – Боюсь, нам предстоит узнать еще много интересного. Потому что читать мы только начали, там этих записей ого сколько. Но, – он посерьезнел. –

Вы обе отлично знаете, что иногда нужен не разум, а нечто иное. Потому что ты, Эри, делала то, что ты делала, ориентируясь на интуицию, а ты, Бертик, пыталась протащить с собой картину с двумя бабочками, когда мы бежали с Терры-ноль. Осуждая за что-то Аду, помните об этом. Просто помните об этом.

6

Крапива

День выдался пасмурный, поэтому – пустой. Заняться было абсолютно нечем: Ада сказала, что хочет отдохнуть, Роман после завтрака и вовсе лёг спать, и Яр в результате остался один, совершенно один на своём запущенном и заросшем участке. От нечего делать он даже прошелся по этому самому участку, вспоминая, что тут было когда-то, но даже эти воспоминания не подвигли его ни на что. Зачем? Для чего это всё? Для кого? Нет, Яр прекрасно знал, что их ровесники пашут на дачах с апреля по ноябрь, выращивая всякое и разное, но он уже давно разучился испытывать потребность в этом всяком и разном, и участок много лет как зарос травой. Когда-то Яр косил, и участок в те времена выглядел хотя бы опрятно, но косилка давно сломалась, и покупать новую он не стал. Опять же – зачем? Всё, что было нужно самому Яру, сжалось до двух крошечных пространств: маленькой комнаты, в которой стояли две узенькие кровати, и ещё меньшей

кухни, где находилась одноконфорочная плитка, умывальник, ведро с водой, и шкафчик, в который Яр складывал свои невеликие запасы продуктов, как то – макароны, чай, банку с кофе, сахарницу, растительное масло, консервы, да хлеб. Этим его потребности, как в комфорте, так и в пище, ограничивались. Кроме дома, на участке Яра имелся еще один объект, который был обитаем – туалет типа «домик с сердечком», и летний душ, стоявший неподалеку. К ним Яр протаптывал узенькие тропинки, которые весной всегда находил заброшенными, словно и не ходил по ним вовсе.

Но... при входе снова разрослась чёртова крапива, и Яр подумал, что её надо хотя бы немного, но прижать, потому что в этом году весна выдалась дождливая, и крапива разрослась невероятно, залезла на дорожку к дому, и весьма больно кусала всех, кто по дорожке ходил. К тому же крапива Яру не нравилась. Куст у входа казался объектом чужеродным, к тому же Яр, проходя утром мимо этого куста, в очередной раз обжег руку, поэтому судьба крапивы была предрешена: допив кофе, Яр отыскал ключ от сарая, и пошел за тяпкой.

«Вот интересно, – думал он. – А ведь в этом месте крапива вырастала каждый год, сколько я себя помню. И когда мы с Яном были совсем еще мальчишками, мама посылала нас здесь полоть, и когда с Яном это всё случилось, я, по заданию мамы или отца, её отсюда выкапывал, и потом, когда уже был тут один, несколько раз за лето срубал её косилкой, и вот, поди же ты. Почему-то снова растет. Может, ей место

чем-то нравится? Здесь, под яблонями, тень, вот она так и вымахивает, наверное».

Яблони, под которыми стояли крапивные заросли, были старыми, раскидистыми, и, как и всё на участке, основательно запущенными. Их никто не лечил, за ними никто толком не ухаживал; ветки их в яблочные годы ломились под гнётом плодов, а стволы, не знавшие уже много лет побелки, покрывал местами мох. Но яблони всё еще держались, стояли, жили – так же, как жил почему-то их хозяин. Мы с ними друг другу не мешаем, думалось Яру, они просто тут стоят, а я просто хожу мимо. И всех всё устраивает.

В сарае отыскалась древняя тяпка с разохшейся ручкой, и не менее древний точильный камень – Яр полчаса убил, чтобы хоть как-то выправить заржавевшее лезвие, и это ему удалось, хотя, конечно, результат от идеала был далёк. Ничего, думал Яр, мне же совсем немного надо, хоть сколько порублю, пусть не за один раз, но справлюсь, главное, чтобы ходить не мешала. Он взял тяпку, и пошел к калитке. Так, какой получается фронт работ? Да не очень большой, если вдуматься. Где-то два на три метра. Главное, не торопиться, действовать потихоньку, чтобы не разболелось сердце. Без фанатизма, в общем. Понемножку.

Тяпка взлетала в воздух, и крапивные стебли падали на землю – уже через десяток ударов Яр взмок, майка прилипла к спине, а в руках появилась вполне различимая дрожь. Он остановился, несколько раз глубоко вздохнул, прислонил

тяпку к яблоне. Так, надо переждать. Переждать, постоять, подышать. Можно сходить воды попить, но лучше сперва ещё поработать. Следующие десять минут он добросовестно махал тяпкой, но после этих десяти минут сердце снова заколотилось, и Яр поплелся в дом, пить уже не просто воду, а корвалол. Он просидел на террасе минут двадцать, потом встал, и отправился обратно. Если начал, думал он, надо закончить. Надо. На-до. Хотел добить крапиву потихоньку? Вот потихоньку и добивай. Но чтобы всю. Он ненавидел невыполненные обязательства и недоделанные дела. Если берешься за дело, будь любезен, доведи до логического завершения. Или вовсе не начинай. И не из-за того, что кто-то что-то подумает, а из-за того, что поступать таким образом –непорядочно и недостойно. Бросать начатое, по любой причине, это моветон. И нечего искать себе оправдания. Хотя, к сожалению, бывают ситуации, в которых завершение дела невозможно по каким-то независимым причинам. Или дела, или... Яр замер с тяпкой в руке. Старое, подумалось ему. Очень старое воспоминание, и как же не вовремя.

...Была у них с Яном одна странная, нереальная область в памяти, которую они не могли ни самим себе, ни окружающим, объяснить. Никак не могли. Война. Совершенно невозможная война, которую помнил Ян, и помнил Яр, но почему-то не помнили другие люди, потому что ни в каких учебниках она не значилась, и никто о ней ничего не знал.

– Великая? – спросила первым делом Ада, когда они риск-

нули на втором году знакомства ей немножко рассказать. – Этого не может быть. Она до нашего рождения была.

– Нет, не Великая, – покачал тогда головой Ян. – Другая.

– Какая? – нахмурилась Ада.

– Кампания, – повторил знакомое им двоим, и не знакомое Аде слово Яр. – Военная кампания. Она так называлась.

Ада, у которой по истории была тройка, задумалась. Такой войны она не помнила. Силилась вспомнить, и не могла этого сделать.

– А кто с кем воевал? Наши с немцами? – спросила она.

– Нннет, – Ян покачал головой. Отросшая челка свалилась на глаза, и Ян отвел её рукой. – Точно не с немцами.

– А с кем? – удивилась Ада.

Ян и Яр переглянулись, Яр пожал плечами.

– С поляками, кажется, – без особой уверенности сказал Ян. – Вроде с поляками, да?

– Похоже на то, – кивнул Яр. – Бело-красный флаг. Они листовки разбрасывали, их ещё поднимать не разрешали никому.

– Мы с Польшей не воевали, – твердо сказала Ада. – Это я точно знаю. Вы уверены?

– Ага, – кивнул тогда Ян. – Хотя, может, нам это приснилось.

– Сразу двоим, – хмыкнул Яр. – И как бабу Надю размазало, нам тоже приснилось...

– Не надо, – попросил тогда Ян. – Не хочу про это вспо-

минать. Страшно очень.

– Ну, расскажите, – принялась канючить Ада. Ей стало интересно. – Ну, пожалуйста.

– Потому когда-нибудь, – пообещал Яр. – Не сейчас.

От дальнейших разговоров они в дальнейшем старательно уклонялись, потому что оба поймали это несоответствие, и, поймав, всё никак не могли уложить у себя в головах то, что помнили.

Существовало словно бы два вектора, две реальности, в которых они какое-то время находились. Одна – здешняя, местная, где их усыновили в шесть и семь лет добрые тётя Маша и дядя Слава, которые вскоре превратились навсегда в маму и папу, где была школа, в которую они пошли в один год, потому что Ян, старший, болел, и его решили лишней год продержать дома; здесь были товарищи по учёбе, кружки, в которые они оба ходили – сперва рисование, потом авиамодельный, потом литературный (оба брата метили в журналисты); здесь был посёлок «Солнечный», и уютный дачный дом каждое лето, здесь были посиделки у костра, один на двоих велосипед «Орленок», ободранные коленки, пруд, где все купались в жару, добрые соседи, и безмятежность – ровно такая, какой ей и положено быть в детстве.

Но...

Но оба они помнили с беспощадной ясностью и другое. Совсем другое.

Они помнили город, не похожий на Москву, южный, тёп-

льный город – и море, и двухэтажный каменный дом, и здоровенный грецкий орех, который рос во дворе. Они помнили южную тихую улицу, резные листья инжира, виноградные лозы над каменными площадками – рядом с их домом тоже была такая. А ещё они помнили, как тоскливо выла сирена, как на автобусную станцию тянулся отовсюду народ, с кулками и чемоданами, как в автобусы не пускали мужчин, как, передавая из рук в руки, в какой-то отдельный автобус силком запихивали ревущих от ужаса детей, как тряслась земля, и как потом, уже ночью, после изматывающей дороги, после жажды, духоты, и нескончаемого плача, их встретила на какой-то незнакомой площади ещё живая тогда бабушка Надя, такая же зареванная и перепуганная, как они сами; в пропыленном, но всё еще пахнущем домом ситцевом старом платье. И как она обняла их, причитая, и прижала к себе, и как они стояли, уткнувшись в это платье, и тоже ревели – но уже от облегчения. Они помнили чужой, незнакомый, холодный город, в который попали через неделю, помнили серую от горя и усталости маму, бабу Надю, комнату, в которой, кроме них, жили какие-то чужие незнакомые люди, помнили, как ходили три года в школу, и как учились спешно ругаться и драться, и как в один отнюдь не прекрасный день снова послышался уже подзабытый голос сирены, а потом был ад, кромешный ад, из которого вышли не все, и баба Надя осталась тогда в этом аду, хорошо, что мама уцелела, и они скитались с мамой по чужим углам еще четыре года, если

не больше. Воспоминаний было много, но все они казались какими-то смутными, зыбкими, нечеткими, как словно бы они смотрели на эту картину прошлого сквозь сложенную в несколько слоев марлю. То ли было, то ли не было. Вроде бы – было. Вроде бы. Кажется...

– Одно только не пойму. Участки же рядом. Если всё так, как мы помним, если не было никакой войны, никакой мамы Тони, никакой бабушки Нади, то почему, Яр, мы познакомились с Романом, Адой, и Аглаей только в прошлом году? – спросил как-то шестнадцатилетний Ян. – Мы должны были их знать с самого детства. Ведь живём забор в забор. У тебя есть какие-то мысли на этот счет?

Яр тогда лишь отрицательно покачал головой. Если у него и были в тот момент какие-то мысли, то лишь об Аде. О том, какие у неё темные глаза, и пушистые ресницы. А ещё о том, что ей идут распущенные волосы, но мать заставляет её залетать эту дурацкую косу, которая ей не идёт, и что с распущенными волосами было бы гораздо лучше...

Крапива поддавалась неохотно, Яр ходил пить корвалол еще дважды, и, наконец, заросли оказались побеждены. Стоя над стеблями поверженного кусачего врага, Яр улыбнулся – знай наших. Тяпкой он сгреб крапиву с дорожки, и соорудил кучу из неё под той яблоней, которая находилась подальше. Отлично. Просто отлично. А места сколько освободилось!

Может быть, притоптать тут всё получше, и поставить лавочку? Ну, то есть сколотить лавочку из чего-нибудь, под сараем, кажется, валялись какие-то доски. Так, стоп, одернул Яр сам себя. Есть уже одна лавочка, у террасы, так зачем ещё? Сидеть под яблонями? А смысл? Ну, посижу раз, другой, но здесь и сидеть особенно охоты нет, недалеко дорога, и пусть по ней редко ходят, но ведь ходят же. Нет, не надо мне тут лавочки, решил Яр. Не кусается крапива, и ладно. Этого довольно.

На участке Ады заиграла какая-то музыка – значит, Ада либо вытащила проигрыватель, оставшийся от матери (что сомнительно), либо зарядила, наконец, или планшетку, или телефон, и слушает свои старые записи (скорее всего, так и есть). Он прислушался. Точно, одна из Адиных любимых песен. Причем англоязычная. Вот же дура, снова обругал он Аду, конечно, это не запрещено, да и тут вряд ли услышат, но могут докопаться. Хотя, с высокой долей вероятности, слушать, кроме него и Ады, эту песню некому. Напротив дом стоит пустой уже три года, рядом с Адиным участком дом почти развалился, а через участок живет девяностолетняя старуха, которая слышит хуже, чем плохо. Но чем чёрт не шутит?

Песня, которую слушала сейчас Ада, была Яру знакома – потому что песню эту Ада слушала уже много лет во время душевного раздрая, и неважно, чем именно этот раздрай был вызван. «Eleanor Rigby», The Beatles. Ну, конечно. Что

же ещё слушать одинокой старой женщине, как не «Eleanor Rigby»? Ада в некоторых моментах удручающе предсказуема... хотя в других она по-прежнему человек-загадка. Или человек-катастрофа. Как с этим несчастным котом, например. Ещё почти три месяца до часа икс, и за это время Ада из него, Яра, и из Романа душу вынет, в буквальном смысле этого слова. Конечно, звереныша жалко, как, впрочем, и всех прочих невезучих, сирых, и убогих, но выхода-то нет. И зачем, ради всего святого, она прибавила громкость? Штраф хочет заплатить?

Яр тяжело вздохнул, положил тляпку рядом с кучей крапивы, и пошел к забору – тропинки здесь не имелось, но уставшему Яру было лень сейчас тащиться в обход. Дойдя до просевшей ржавой рабицы, Яр привстал на цыпочки, и крикнул:

– Ада! Эй, Ада, ау!

Музыка продолжала играть.

– Ада! – снова позвал Яр. – Ада, мать твою!.. Ада, ответь!!!

– Чего? – раздалось с террасы. – Ой, Яр, это ты? Ты чего кричишь?

Музыка смолкла. Ада вышла на террасу, увидела Яра, и тоже подошла к забору.

Как тогда, вдруг подумал Яр. Почти как тогда, когда...

– Потихе сделай, штраф же влепят, – сердито произнес Яр. – Битлы, английский, ты соображаешь? Ещё Ллойда бы включила. Или Меркьюри. Додумалась.

– И включу, – упрямо ответила Ада. – Перестань меня пугать, тут всё равно никто не услышит.

– А вдруг? – Яр прищурился. – У тебя денег много, что ли? На сколько штрафов хватит?

Ада поскуchnела.

– Ладно, – неохотно согласилась она. – Я тогда в наушниках.

– Вот в наушниках сколько угодно, – согласился Яр. – Но чтобы музыка так орала – не надо. Ты же понимаешь.

– Чего ты со мной, как с маленькой... – начала Ада, но Яр её перебил:

– Да потому что ты и есть как маленькая! – сердито сказал он. – До седых волос дожилась, а ума как не было, так и нет. Осторожнее надо быть, ты понимаешь это? Осторожнее! Элементарная осторожность, не более того. Разумная осторожность. Не лезь на рожон, не высовывайся, не светись. Не давай никому повода сделать с тобой что-то такое... – он осёкся, махнул рукой. – То, от чего станет ещё хуже. Ты поняла, в общем.

– Хорошо, – обреченно отозвалась Ада. – Чаю хочешь?

– Хочешь, – кивнул Яр. – А я тут крапиву срубил, между прочим, – с гордостью добавил он.

– Да ладно? – удивилась Ада. – Можно посмотреть?

– Заходи, – Яр улыбнулся. – Целая поляна получилась. Там, под яблонями, оказывается, столько места. Я уже и забыл, что там так может быть.

– Сейчас подойду, – кивнула Ада. – Слушай, а может, щей сварить из этой крапивы?

– Не, не получится, – покачал головой Яр. – Она старая, а щи только из молодой варят. Да и вкус у них не очень, если честно. Из щавеля вкусные были, помню, но ни тебе, ни мне нельзя щавель.

– Увы и ах, – согласилась Ада. – Иди, открывай, сейчас буду.

– Считки Яра из того периода – вещь довольно тягостная, – Пятый покачал головой. – Это видно даже по превью. Нет, откроем несколько, но...

– Но в двадцать он пытался вести что-то типа дневника, и надо сделать сверку с его записями, – закончил Лин. – Вообще, если честно, на меня это действительно похоже. Скрипач, вот честно, ты сделал бы то же самое, что и он?

– Ты ещё спрашиваешь? – Скрипач невесело усмехнулся. – Да. Сделал бы. Причем это единственное, что я бы сделал, наверное. Он... молодец. Сумел восстановиться в институте, продолжил учёбу. Я бы так не смог. Конечно, приемные родители его в тот период поддерживали, но отец умер, когда Яру был двадцать один год, и мать через три года уехала в Пермь, к старшей части семьи. Он остался один. Не совсем, но, по сути, один.

– Смычка, – вдруг произнес до того момента молчавший

Ит. – Вы не заметили?

– Что именно? – не поняла Берта.

– Ну ты-то дорогая, ты-то что? Мы же там жили. Где была Масловка? Куда хотели попасть Фламма? Пермь. Круг практически замкнулся, – Ит покачал головой. – Нельзя быть такими рассеянными.

– Господи... действительно, – Берта открыла визуал. – Да, правда. Ты прав, всё верно. Ну и ну. Это значит, что оно как-то ещё работает, по всей видимости. Если оно вот так замыкается в таком построении...

– Сейчас мы это точно не просчитаем, – заметила Эри. – Но да. Что-то есть. Точно есть. Лин, вы не смотрели, когда он... это сделал?

– Выкопал Яна? Как только его выпустили из дурдома, почти сразу, как только смог, – Лин вытащил из пачки тетрадь в темно-зеленом коленкоровом переплете. – Это лекции, если что. Формальная логика, второй курс. До академки, и после. В конце этой тетради есть несколько дневниковых записей. Он пишет... сейчас, найду. Одну минуту. Вот, отсюда.

«...повёл себя действительно глупо. На нервах. А так нельзя, потому что надо не дать им себя поймать, как в прошлый раз. Ошибкой было приходить туда днём, при свете, и пытаться вызволить Яна у всех на виду. Они не понимают. Все два года я думал, что я тогда сделал не так, и даже с лекарствами, но сумел осознать, что они не понимают и не поймут. Ничего и никогда. Ему холодно, он там совсем

один, а им всё равно. Значит, эта тайна должна остаться моей тайной, и ничьей ещё, и я должен сделать всё так, чтобы они не поняли...»

– Довольно сбивчиво, – покачал головой Скрипач. – Догадываюсь, какая у него была схема по лекарствам, от этой химии у нормального человека мозги в кашу превращались, а если после стресса, с ПТСР, с неврозом, с депрессией...

– Вот ты только мне про это не говори, – попросил Ит. – У меня мандраж начинается, когда я про те двадцать лет вспоминаю, когда ты мозгами уехал. Ты был хорош и с таблетками, и без таблеток, уж прости.

– Да знаю я, – Скрипач поскучнел. – Но, согласись, это всё же была не шизофрения. Хотя ставили её, да.

– Верно, – кивнул Ит. – ПТСР, выражаясь здешним языком. И у Яра по сей день именно ПТСР, но – с элементами паранойи. Думаю, если бы ему пошли навстречу, и не отбирали бы урну, он бы оправился быстрее. Он два раза откапывал брата. Оба раза его забирали в милицию, один раз избили, урну забирали, перезахоранивали снова. Началась мания преследования, на фоне шока и стресса. Начал проявлять агрессию. Оказался в больнице. Вышел оттуда... сами догадываетесь, в каком состоянии. Он ведь не мог объяснить, почему поступает именно так. У него не было ни знаний, ни инструментов, ни понятий, с помощью которых он сумел бы как-то... а, чёрт, даже говорить про это не хочется.

– Они гораздо сильнее прочих, – вдруг сказала Берта. Эри

тут же согласно закивала. – Они сильнее Амрита и Фламма. Они в разы сильнее Гарика и Тима с Рэмом. И самое скверное, что они это, кажется, чувствуют. Интуитивно. Подсознательно. Даже сейчас.

– Сила силе рознь, – Скрипач тяжело вздохнул. – Лин, что там дальше?

– Дальше там хреново, – Лин снова принялся листать тетрадь. – Нет, прочесть я, конечно, могу, но не хочется, если честно. Тяжело.

– Надо, – Берта отобрала у него тетрадь. – Давай лучше я. Рыжие, оба, если не хотите слушать, то не нужно, как мне кажется.

– Нужно, – возразил Скрипач. – Это не игрушки, Бертик. Урна по сей день с ним. Боюсь, это всё может оказаться важным.

– Я вот тоже боюсь, – добавила Эри. – Ладно, давайте читать, раз уж начали.

«...подойти к делу обстоятельно. Поскольку голова работает ещё неважно, буду писать себе здесь всё, что требуется, чтобы ничего не забыть и не перепутать. Чёртовы проклятые таблетки! Кажется, мать не догадывается, что я перестал принимать их, делаю вид, что пью, а на самом деле выкидываю. Мысли постепенно проясняются, я хотя бы перестал путать вечер с утром, и правое с ле-

вым, но даже для простых действий требуется много усилий. Например, почистить зубы. Это сложно. Надо сперва дойти до ванной, включить свет. Потом найти свою зубную щётку. Намочить её. Найти коробку с порошком. Потыкать щеткой в порошок, потом начать водить ею по зубам, по всем зубам, не пропускать. Потом помыть щетку. Прополоскать рот, умыться. Поставить щетку на место. Убрать коробку с порошком. Выйти из ванной. Выключить в ней свет.

Перечитал сейчас, что написал, понял, что писал про ванну и зубную щетку почти двадцать минут. Как же я учиться буду? Нет, таблетки пить нельзя, от них весь мир становится, как замедленное кино. Я так ничего не сумею сделать. Ян там совсем один, а я по полчаса зубы чищу...»

– Ужас, – Эри зябко поежилась. – Рыжий, а дальше там что?

– Дальше... так. Следующая запись через два месяца, судя по дате. Датировок мало, он их ставит не везде, – Лин перевернул страницу. – Мыслит он тут уже гораздо лучше, но вот паранойя никуда не делась.

«...мать, она следит за мной. Постоянно. Глаз не спускает. Таблетки выкидываю, потому что там, кажется, снотворное в схеме, а мне надо научиться, наоборот, не спать ночью, потому что действовать придется именно ночью. Как избавиться от неё, хотя бы на время? Я спрашивал, не собираются ли они с отцом на дачу, и она в ответ очень

странно на меня посмотрела. Неужели догадалась? Проклятие, придется всё перепрятывать снова.

Я достал саперную лопатку, мешок, перчатки, и стамеску. Сейчас февраль, земля смерзлась, её придется долбить. К тому же я не знаю, на какую глубину они спрятали Яна. У меня пока что нет фонаря, и нет денег, чтобы его купить, а без фонаря моя затея обречена на провал. Нет, в темноте я вижу неплохо, но я очень боюсь повредить крышку урны, стамеску и лопату я заточил достаточно остро, чтобы можно было работать быстро. Без стамески я не справлюсь, потому что земля пока что действительно мерзлая...»

– Ага, он собирался отправить мать и отца на дачу в феврале, и удивлялся, почему мать на него странно посмотрела, – покивала Берта. – Я всё понимаю, и очень ему сочувствую, но я бы тоже на него посмотрела странно, если бы подобное предложили мне. Ит, печь в их доме есть?

– Нет, – покачал тот головой. – Отродясь не было. Дом мы проверили, и печи там не стояло никогда. Только электрические обогреватели. Второй этаж – мансарда, комната матери и отца, первый этаж – гостиная, она же столовая, она же комната с телевизором, комната братьев, по сути, каморка, кухня, тоже небольшая, и терраса. Сам по себе дом маленький, побольше, чем дом Ады, но маленький. Это у Романа домище еще тот, а эти... – Ит махнул рукой. – Курятники.

– И в этот курятник он хочет выпихнуть мать и отца зи-

мой, – резюмировала Берта. – Да, скорость у него уже повысилась, но вот соображал он в тот период не очень.

– До середины апреля он метался туда-сюда, таскал инструменты с места на место, – Лин открыл следующую записку. – Вот тут я прямо себя даже узнаю, пожалуй.

«...чтобы они не поняли. Спрятал лопату, стамеску, и другие предметы на чердаке, но туда тётки ходят вешать белье, и я всё оттуда унёс, потому что могут найти. Пока что закопал под кустами, под окном. Днём ещё ничего, а вот ночью по десять раз вскакиваю смотреть, не нашёл ли кто. Очень боюсь, что сопрут. Переложить под кровать? Но мать отыщет, когда подметать будет. Антресоли? Неплохой вариант, но придется затолкать всё поглубже, чтобы не бросалось в глаза, если кто-то что-то там решит поискать. Хотя что там искать? Один старый хлам...»

«...снял нижнюю крышку с пианино, там есть место. Сегодня ночью переложу всё туда. Чтобы они не услышали, добавил им в чай своё снотворное, так что спать они будут крепко. Думаю, от одного раза ничего случится...»

– Ничего себе, – Берта с ужасом посмотрела на Лина. – Он ведь мог их отравить, запросто!

– Мог, – кивнул Лин. – Но повезло, всё обошлось. В тот раз обошлось.

– Ты хочешь сказать...

– Я пока ничего не хочу сказать, но, судя по всему, он проделывал этот фокус потом не единожды, – Лин перевер-

нул несколько страниц, кивнул. – Да, не единожды. Погоди, тут до этого ещё немало. Кстати, интересно. Он записывал, пока не сделал то, что хотел сделать. После... успешного завершения есть всего четыре записи. Вот они, совсем короткие. И в двух из них тоже речь идет о снотворном, которое он скармливал матери и отцу.

– Он защищался, – вдруг вступилась за Яра Эри. – Они ведь не разрешили бы ему, не позволили...

– Это понятно, что защищался, но ты пойми – он действительно отдавал себе отчет в своих действиях лишь частично, – Ит вздохнул. – И он был опасен. Очень опасен, в этом и родители, и психиатры оказались правы. Идея, которой подчинялась и продолжает подчиняться его жизнь, является безопасной для окружающих только в одном случае. Если они не трогают урну. И самого Яра тоже.

– Ребята, мне что-то не по себе, – сказала вдруг Берта. – И совершенно расхотелось читать это всё дальше. В какой-то момент показалось, что они – это действительно в какой-то степени мы, но сейчас я, кажется, начинаю осознавать, что это не мы вовсе, это нечто совсем иное.

– Согласен, – кивнул Лин. – Да, это тебе не Гарик с Рэмом и Тимом. И даже не братья с самолётниками. Это нечто большее, не зря гений так перепугался.

– А на твой взгляд – он перепугался? – удивилась Эри.

– Ты разве не заметила? – Лин повернулся к ней. – Он действительно их боится. Не понимает, боится, и старается дер-

жаться от них подальше. Возможно, окажись мы на его месте, мы бы поступили в тот период точно так же. Вот, смотрите.

«...эта вылазка оказалась неудачной. Родителей я уложил спать так же, как тогда, когда прятал инструменты, до кладбища от Теплового Стана добрался быстро, за сорок минут – не зря я тренировался, бегал, бросил курить, и почти перестал пить кофе. Я ехал сперва на метро, а оттуда, от конечной остановки, уже бежал, и прибежал даже лучше по времени, чем рассчитывал. Время засек, сорок минут. В следующий раз попробую уложиться в тридцать пять.

Теперь про ошибки, которые следует учесть. Первая: я не сумел в темноте быстро найти место, потому что был там только днём. Плохо. Почти полчаса ходил туда-сюда между могилами. Надо будет съездить днём, посчитать шаги, и отметить маркеры. Например, характерные ограды и памятники. Вторая: я снова позабыл про этого проклятого сторожа, и он едва не заметил меня. Оказывается, он совершает обходы ночью. Поэтому надо узнать график обходов, если он существует, и ориентироваться на него. Как же мне хотелось убить его в тот момент, когда он появился на аллее, и пошел медленно по ней, освещая всё вокруг фонарем! Не знаю, как я удержался, чтобы не вскочить, и не рассадить ему голову своей саперной лопаткой. Тварь, это ведь из-за него я оказался в психушке, из-за него потерял два года жизни, и теперь не могу из-за него спасти Яна. Из-за

него, и из-за них. Они все против меня, они ненавидят Яна, ненавидят меня, они...»

– То есть все всё поняли, да? – Ит обвел взглядом присутствующих. – Размеров его горя я не умаляю. Никоим образом. Но вёл он себя в тот период неадекватно. Совершенно. Странно, что его вообще выписали.

– Так как он всё-таки сумел выкопать урну, и что было дальше? – поторопила Эри.

– Про это тут совсем немного, – отозвался Лин. – Буквально несколько строчек. Вот.

«...дома, дома, наконец-то дома, после двух с половиной лет в ледяной проклятой яме. Подонки. Они все подонки. В этот раз я не поспешил на снотворное для них, и хорошо, что завтра воскресенье, на работу они не проспят. Домой вернулся на такси, хорошо, что удалось у метро поймать машину. Все деньги на это ушли, но неважно, неважно. Полчаса отмывал и отогревал Яна, потом стирал вещи, относил сушиться на чердак, чтобы мать не догадалась, что я где-то был. Инструменты забросил на антресоли, потом утоплю в реке, как будет время. Урна немного облезла, но почти не помялась, а краску я подновлю. По крайней мере, ему теперь будет тепло, и я буду с ним рядом. Я его больше не брошу. Никогда не брошу. Урна не очень тяжёлая, и, кажется, я слышу внутри биение его сердца. Или это моё? Неважно. Всё теперь неважно. Уже почти утро, надо хоть сколько поспать, и сегодня я впервые за два с половиной года

лягу спать почти счастливым...»

– У меня остался только один вопрос, – произнесла Берта, ни к кому не обращаясь. – Кто, и каким образом позволил ему в таком состоянии учиться на факультете журналистики?..

7

Чердак

– А если попробовать иначе? – предложил Роман. – Допустим... ммм... мы напечатаем объявление, и развесим его повсюду. О том, что, например, купим такого кота, за хорошие деньги, и...

– У тебя сколько денег есть? – спросил Яр.

– Двенадцать тысяч. Еще за заказ заплатить обещали.

– Угу. У меня шесть. И у Адки, допустим, штук пять, или того меньше. Ром, даже если мы соберем столько, сколько надо, ну, или сколько получится, они не продадут этого кота никогда и никому. Потому что денег у них куры не клюют. У Юрия одна только военная пенсия полторы сотни, у Петровны бухгалтерская зарплата еще сотня, на детей пособия выдают, по полтиннику на каждого... дошло? Нет, можно даже не начинать. Только время потратим.

– И что ты предлагаешь? – спросил Роман. – Она не отвяжется.

– Думаю, – Яр вздохнул. – Что не отвяжется, знаю не хуже тебя. Может, её как-то отвлечь, а?

– Как ты её отвлечешь? Чем? – безнадежно спросил Роман.

– Давай зашлим её в город, – предложил Яр.

– И? Утром уедет, вечером вернется. Толку-то.

– Ну, это да.

Помолчали.

– Я хотел привести в порядок бумаги, – вдруг сказал Роман. – Точнее, я бы хотел уничтожить бумаги, если ты понимаешь, о чем я.

– Какие? Те самые? – Яр нахмурился. – погоди. Они у тебя здесь, что ли?

– Угу, – кивнул Роман. – Они много лет уже здесь, просто... я не счел нужным об этом говорить. Думаю, ты понимаешь, почему.

– Дела, – протянул Яр. – Честно говоря, я почему-то думал, что ты давно уже это всё пережег потихоньку.

– Глупости, – Роман тяжело поднялся, с трудом разогнул спину, потянулся. – Засиделись мы чего-то, надо походить. Так вот, бумаги здесь. Я не такой дурак, чтобы сжечь курицу, которая способна нести золотые яйца. Пусть даже в теории, но ведь способна. К тому же до сожжения я бы хотел кое-что проверить ещё раз. Чтобы окончательно удостовериться.

– Мы вроде бы уже давно удостоверились, – заметил Яр. Тоже встал, привычным движением сунул руку в лямку рюкзака. – Не совсем понял, для чего ты сейчас сказал об этих бумагах.

– Ада, – пояснил Роман. – Посадить Аду за разбор. Поскольку бумаг там немало, на это уйдет несколько дней.

Яр задумался. Прошелся взад-вперед по террасе, выглянул за окно – всё тот же пасмурный тёплый день, безветрие, тишина. Лишь где-то совсем в отдалении шумит проходящая мимо участков электричка, да какая-то птица чирикает в кустах у забора.

– Допустим, – согласился он. – Но это, опять же, те самые несколько дней. А у нас до момента икс почти три месяца.

– Хотя бы несколько дней, – развел руками Роман. – Тут несколько дней, там – уже хоть какой-то результат.

– Это да, это верно, – покивал Яр. – Но, признаться, мне даже думать об этом всё тоскливо. Да и Аде вспоминать о таком... ты же понимаешь.

– Тогда можно сжечь всё сразу, но – у нас не будет этих нескольких дней, – Роман зевнул. – Давление меняется, что ли? Сонный я какой-то сегодня.

– Ну так ляг и поспи, – предложил Яр. – Торопиться нам особенно некуда.

– Ну уж нет, – Роман покачал головой. – Вот чего. Полезли на чердак, надо вниз всё спустить. Я полезу, а ты будешь меня страховать.

– Давай лучше наоборот, – запротестовал Яр. – Ты же больше сотни вешишь, а чердак у тебя не в лучшем виде. Лучше я туда, а ты снизу постоишь. Только объясни, где искать, и что именно.

– Там три кейса, они под утеплителем, – Роман на секунду задумался. – От люка направо, до крыши, потом надо будет лаги посчитать, я скажу, под какой.

– Конспиролог? – усмехнулся Яр. – Или конспиратор? Хотя, конечно, конспиратор, сам не знаю, зачем я приплел конспирологию.

– Потому что мы её туда уже давно приплели все вместе. Это же она и есть. Я думал об этом, понял, что она с самого начала была. Ещё в семидесятых. У меня ведь там тоже... – Роман осекся. – Словом, пойдем, достанем бумаги. А потом позовем Аду, и посмотрим, правильно ли я помню, что там в кейсах лежало.

– погоди, ты хочешь сказать, что там есть записи ещё до... из семидесятых и восьмидесятых? – Яр нахмурился. – Серьезно? Ты это сохранил?

– Да, – раздраженно ответил Роман. – Сохранил. Или ты считаешь, что я хранил только копии доносов авторства Виталия и заметки о парных событиях, что ли?

– Стоп, – приказал Яр. – Окстись. Привлекать к этому Аду – чистое безумие, это я тебе как шизофреник со справкой говорю. Ни в коем случае! Ей совершенно не нужно об этом сейчас вспоминать!

– Еще добавь, что это её убьёт, и что она и так вся на нервах, – Роман рассердился. – Ладно, давай сделаем это без неё. Сами. Это тебя устроит?

Яр задумался. Нахмурился, неуверенно пожал плечами.

– Наверное, лучше сами, – сказал он. – Её тоже позовем, но дадим разбирать что-то нетрудное. Как тебе такая мысль?

– Можно, – кивнул Роман. – Вот честно, я бы не хотел, чтобы это кто-то нашел и прочитал.

– Ром, когда нас не станет, никто ничего не будет искать и читать, – вздохнул Яр. – Сколько тут нас осталось, на этих улицах? Десяток? Полтора? Когда мы умрём, никто ни в чем не станет разбираться. Или сожгут всё скопом, или, что более вероятно, сюда просто придут бульдозеры, и оставшееся от нас барахло окажется на свалке, причем в виде месива из тряпок и трухлявых деревяшек. Не будет никому и никогда никакого дела до этих старых бумаг. Они, как и мы, отжили своё. Тебе, кстати, ещё повезло. От тебя хотя бы картины останутся.

– А от тебя статьи, – напомнил Роман. Яр засмеялся, впрочем, невесело – потому что веселого и впрямь было мало.

– Угу, статьи. Которые давным-давно все позабыли. Собственно, их позабыли через несколько дней после выхода из печати. Знаешь, со статьями и расследованиями так бывает. Человек покупает... нет, уже не покупает, конечно. Покупал газету, охал и ахал, восхищался и возмущался, а на утро этот же человек вытирал себе этой газетой задницу, и шел покупать следующую, – Яр снова подошел к раскрытому окну. – Это всё было... как орать в пустоту. И слышать, в лучшем случае, эхо. А то и вообще ничего. Бумаги, говоришь? Ладно. Пусть будут бумаги. Пойдем, а то время уже к обеду, а

мы тут разболтались, два старых перд...

– Яр, ну я же просил, ну не надо этого слова, – Роман досадливо поморщился. – Бесит. Несказанно бесит. Всё, идём. Еще же на обед надо будет что-то соорудить.

– Ага, причем самим, потому что Ада так часто готовить не согласится, – покивал Яр. – Ты это, Яна поддержи, когда я полезу. Боюсь с ним туда, гвозди, небось, всякие торчат, еще зацеплю случайно.

На чердаке было пыльно, сухо, тепло, и пахло мышами. Яр кое-как перебрался через бортник люка, и, придерживаясь рукой за столб, встал на одну из лаг. Над своей головой он заметил осиное гнездо, здоровенное, чуть не с футбольный мяч размером, невольно присел, и тут же понял, что гнездо мертво и пусто, причем, видимо, уже давно.

– Ром, тебя осы не донимают? – спросил он.

– Позапрошлым летом покоя не давали, теперь нет их вроде. А что? – спросил Роман.

– Да тут осятник у тебя был, оказывается, – Яр присмотрелся. – Немаленький осятник. Но в нём всё сдохло, по всей видимости.

– Гадость какая, – с отвращением произнес Роман. – Так, давай иди дальше. Ты у входа стоишь сейчас? Не вижу тебя.

– Да, у входа, – Яр повернулся к люку. – Командуй, куда дальше.

– Через семь лаг будет нужная, она от твоей восьмая, – ответил Роман. – Считай по верхним, они с нижними совпадают. Дойдешь до восьмой, и смотри посредине, между центральной осью и скатом.

Яр прошел вперед, отсчитал нужную лагу. Кое-как, балансируя на ней, перебрался в указанное место. Засунул руку под колючее одеяло стекловаты, слежавшейся, пожелтевшей от времени. Пошарил – почти сразу пальцы ощутили чуть шершавый тёплый пластик.

– Нашел! – крикнул Яр. – Их там три, да?

– Ага, – отозвался Роман. – Бери по одному, и тащи сюда. Только не бросай, опусти, я буду брать. Они старые, если кинуть, на куски рассыплются, наверное.

Минут через десять все три кейса оказались внизу. Яр слез по узкой лестнице вниз, и принялся чесать исколотые стекловатой руки. Ну, молодец, Рома, мог бы хоть перчатки дать.

– Иди руки помой, хватит чесаться, – приказал Роман. – Пошли вниз, отнесем это всё...

Записей оказалось немало, но из старого периода, о котором вспоминал Яр, их было всего две папки, картонные, стянутые шпагатом. На верхней папке Роман поставил дату – 1977-1979, и Яр немного удивился, потому что мало кто в двадцать два года от роду начинает собирать бумаги для

архива, поэтому дата на папке смущала.

– Ты это специально? – спросил Яр, указав на папку. – Ты нарочно так рано начал архивировать эту всю дребедень?

Роман отрицательно покачал головой.

– Нет, конечно, – ответил он. – Случайность. Убирал квартиру после каких-то посиделок, решил разобрать стол, они валялись у меня в нижнем ящике, куда я их просто засовывал, а мне понадобилось место. Я сложил их в старую авоську, и закинул на антресоли. Нашел... дай бог памяти, когда же я их нашел? Как бы не через четверть века. Слегка систематизировал, и сложил в папки. Открой, посмотри сам.

Яр с трудом одолел узел – бечевка поддавалась его рукам неохотно – открыл верхнюю папку, вытащил лист бумаги.

«...закон парных случаев действует для нас иначе, не так, как для всех остальных. Но связь видна достаточно четко, это мы проверяли многократно. Аглая стукнулась локтем о шкаф, я подумал, что производители, которые сделали этот шкаф – те еще уроды, а через несколько дней Сашка звонит, и рассказывает о пожаре на комбинате, именно в Шатуре, и именно что мебельном. Как это вышло? Мысль материальна? Или – что уже гораздо страшнее – папа Яра был категорически против того, что Яр носит с собой урну, и буквально через три-четыре месяца он умирает, скоропостижно, от инфаркта...»

– Вот спасибо, – Яр тяжело вздохнул. – Зачем? Ты же знаешь правду, для чего это всё сейчас?

– Потому что это тоже вписывалось до какого-то момента в концепт, – пожал плечами Роман.

– Да, но потом это всё прекратилось. Хорошо, хорошо, не прекратилось, а перешло на какой-то другой уровень, – заметил Яр. – То, что мы виноваты в ряде событий, я не отрицаю. Но чем дальше это всё шло, тем труднее стало искать, что и с чем взаимосвязано. К тому же нам самим этой никакой выгоды не сулило. Скорее, наоборот.

– Но ты же сам в какой-то период искал в Белых Столбах это всё, – напомнил Роман.

– Поздно спохватились, – Яр вытащил следующий листок. – Потеряли нить. Но вот ощущение причастности и вины осталось. Или у тебя не так?

– Зачем ты спрашиваешь, если знаешь ответ? Конечно, у меня так же, – Роман поморщился. – Нам не дано предугадать...

– Ой, не надо тут этой цитаты, – перебил его Яр. – Плохо, что мы сообразили слишком поздно, что это было действительно связано с нами. И не смогли остановить это всё. Если бы мы сумели поверить раньше...

– Остановим, – Роман тяжело вздохнул, открыл вторую папку. – Или хотя бы попробуем. Знаешь, я вот всё говорю Адке, что она виновата. Но мы-то с тобой виноваты не меньше.

– Только Ян не виноват, – добавил Яр. – И Аглая была не виновата.

– Они просто не успели, – беззвучно ответил Роман.

– Так. Сегодня они вроде бы ничего жечь не собираются, – Скрипач отодвинул визуал, потёр переносицу. – По крайней мере, до вечера они этого делать не планируют. А это значит...

– Это значит, что нам нужно ознакомиться с содержимым этих папок, – кивнул Ит. – Вопрос только в том, как это сделать. Сейчас они втроем сидят и читают, и с участка никуда не пойдут. Может быть, как-то выманить? Нам двадцати минут хватит. Возьмем на считку, потом разберемся.

– Вот только как организовать эти двадцать минут? – Скрипач задумался.

– Хороший вопрос. Контакт с ними, даже в личинах, нам сейчас крайне нежелателен, как ты понимаешь. Девчонки обе в Москве, сидят с другой порцией бумаг, помочь некому. На воздействие я бы их брать не хотел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.